

Том Мормер

СЕМЕЙНОЕ
ПРОКАЯТЬЕ

Поль Монтер

Семейное проклятье

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=17194866

ISBN 9785447451738

Аннотация

Тихую жизнь монастыря нарушает появление маленького подкидыша. В поисках ответов: кем оставлен ребенок и кто он на самом деле придется столкнуться с темным миром воров, грабителей и попрошаек. Повстречаться с милосердием и жестокостью, с истинной дружбой, коварством и предательством. Удастся ли распутать паутину лжи и раскрыть страшную тайну семейного проклятья?

Содержание

Бертан	5
Рене	55
Конец ознакомительного фрагмента.	92

Семейное проклятье

Поль Монтер

История, рассказанная стариком Жосленом, своему внуку Доминику. Но, точно подтвердить, что всё так и происходило, господин Доминик Риваль не может. Хотя, дед уверял, что сам был невольным участником событий. А подробности загадочной истории, слышал от знаменитого капитана Филиппа Лантье де Гарона. Видно, придётся поверить ему на слово, даже если Жослен добавил что-нибудь от себя. Как говорится: «Красиво не соврать – истории не рассказать».

Дизайнер обложки Поль Монтер

© Поль Монтер, 2023

© Поль Монтер, дизайн обложки, 2023

ISBN 978-5-4474-5173-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Бертан

– Эй, братья, сдаётся мне, кто-то стучал в ворота монастыря, – воскликнул молоденький послушник Жослен.

– Должно быть, тебе послышалось, дружок. Кто явится сюда на рассвете? Мы живём в такой глуши, что путнику, пришлось бы, идти всю ночь. – Зевнув, проворчал толстяк Арман.

– Это ветки старого дуба задевают стены. – Кивнул тощий и длинный монах Франсуа, примостившийся тайком, вздремнуть у дровяного сарая.

– Я не глухой! – Задиристо воскликнул Жослен. – И точно слышал стук.

– Ну, так пойди, да посмотри сам и оставь нас в покое со своими рассказами! – Раздражённо буркнул Арман.

Вот надоедливый парень! Солнце само ещё, как следует, не проснулось. Монахи встали затемно, да читали молитву, ёжась от холода, в сыром нетопленном зале часовни. От чего же не подремать, пока настоятель занят и не видит свою паству?

Жослен решительно направился к воротам.

– Ай, помилуй меня, Пресвятая Дева! Идите скорее, братья!

– Ох, ну что там ещё? Не иначе Святая Франсуаза почтила тебя своим появлением, – усмехнулся толстяк.

Хотя осень только вступала в свои права, раннее солнышко было не слишком ласковым. Монахам не хотелось покидать деревянную скамью, что так уютно согрелась их телами.

Вот упрямец этот Жослен! А вдруг, и впрямь за воротами что-то интересное. Пожалуй, стоит взглянуть.

В глазах Франсуа и Армана мелькнуло любопытство, и оба поспешили на зов. Тотчас испуг отразился на их лицах. На истёртом камне возле ворот, свернувшись калачиком, лежал ребёнок

– Как думаете, братья, не помер ли несчастный малыш? – Дрожавшим от волнения голосом, произнёс Жослен.

Арман осенил себя крестом и торопливо сказал:

– На всё воля Господа! Экая напасть!

– Ох, у меня душа в пятки ушла, – прошептал Франсуа. – С детства боюсь смотреть на покойников.

– А может, бедняжка спит?

– Так погляди сам, если такой смелый.

Жослен боязливо приблизился к ребёнку и подёргал бархатную накидку, укрывшую малыша до самых пят.

Мальчик потянулся, открыл глаза и удивлённо уставился на монахов.

– Живой, силы небесные! – Радостно воскликнул послушник.

– Дураку понятно, что он просто спал, – буркнул Арман. – Мертвецы не стучат в ворота.

– Ах, какой ты умный! – Усмехнулся Франсуа. – По-тво-

ему, дитя, которому и четырёх лет нет от роду, дотянулся до медного кольца, постучал в ворота и лёг отдохнуть?

Монахи окинули взглядом, пустую тропу, что вела из перелеска к обители. Ни повозки, ни единой живой души во круг.

– Чудеса! словно, с неба свалился этот парнишка, не мог же он прийти сам?

– Ну, что, братья! Не оставлять же малыша одного за воротами. Пусть настоятель рассудит, что делать с бедняжкой.

Жослен ласково поднял его на руки, и дверца тяжёлых кованых ворот закрылась за ними.

Не прошло и пяти минут, как двор заполнился монахами.

– Глазам не верю, брат Арман, где это ты раздобыл парнишку?

– Нет, это верно сынок зануды Франсуа! Погодите, сейчас явится вся его родня.

– Жослен, неужто ты стал нянюшкой в знатном доме, и принёс сюда маленького герцога?

– Глядите-ка, а малыш точно не из крестьян, бархатная накидка подбита мехом!

– Да и башмачки с серебряными пряжками.

Мальчик, спросонья, лишь оглядывал всех огромными серыми глазами. За все время он не произнёс ни слова.

– Да что же, ты станешь делать с этой мелюзгой?

– Надо позвать отца Венсана, он сам решит, как быть.

– Господин настоятель!

– Святой Отец!

– Да сходите же за ним, верно он занят чтением и ничего не слышит.

И вскоре, во дворе появился старый священник, с худым морщинистым лицом и светлыми, словно выцветшими глазами.

Обитель, где служил настоятелем Венсан Марель, была бедной. И больше походила на богадельню. В аббатстве архиепископа давно уже позабыли, что затерянный в лесах Пикардии монастырь Святого Франциска, ещё существует. Но, монахи и крестьяне, из близлежащих деревень, искренне любили и уважали господина Венсана. В тщедушном и сгорбленном теле старика, билось сердце, в котором хватало доброты на каждого, кто пришёл к нему со своей бедой.

– Что случилось, дети мои? Отчего вы не заняты работой, а столпились, словно стая гусей вокруг червяка?

– Вот, господин Венсан, за воротами мы нашли ребёнка. Бедняжка был совсем один, и мы не решились оставить его.

– Странно, мальчик не похож на дитя нищих бродяжек, подкинувшим его добрым людям. Должно быть, тайное горе вынудило его родителей так поступить.

– Святой Отец, но мы же не сможем оставить парнишку здесь! Он так мал, что, пожалуй, ему нужна кормилица или нянька.

– Давайте помолимся, братья, – тихо произнёс настоятель. – Если Господь подаст нам знак, мы оставим мальчика

у нас. Если нет, Жослен запряжёт лошадь и увезёт ребёнка в деревню. Возможно, там найдутся добрые бездетные люди, согласные приютить малютку.

Монахи почтительно склонили головы и, перебирая чётки, зашептали молитву. Но, не успели они прочесть её до конца, как небо внезапно потемнело, раздался глухой рокот раскатов грома. Не прошло и минуты, как на монастырский двор обрушился ливень. Послушники едва успели скрыться в часовню. Кругом стало темно, словно непроглядной ночью. И стук дождевых капель, сменился дробным звоном градин. Монахи испугано, крестились, повторяя слова молитвы громче и громче. Град в одночасье прекратился, небо на глазах становилось голубым. словно, чья-то невидимая рука очистила его. Яркий солнечный свет озарил старые замшелые монастырские стены.

– Смотрите, Святой Отец! – Закричал Жослен, указывая в узкое оконце.

Над лесом, что подступал к самым стенам обители, возникла яркая радуга.

– Верно, Господь дал нам знак, и выбор сделан, братья! – Восторженно прошептал старый священник. – Мы должны оставить мальчика у нас, и постараться вырастить его добрым и честным человеком.

– Господин Венсан, – почтительно склонив голову, сказал брат Паскаль. – Бедное дитя, верно не сможет назвать своего имени, или вовсе не помнит его.

– Ну что ж, сегодня день памяти Святого Бертана, пусть он станет покровителем малыша. Он получит его имя. Отныне, мальчика будут звать Бертан Люмьер¹.

Так, маленький найдёныш, поселился в скромной обители.

Понемногу, монахи привыкли к необычному гостю. Мальчик не докучал капризами, а его миловидное личико, заставляло улыбнуться даже самых ворчливых из братьев. Ребёнок был молчалив, и поначалу, все решили, что несчастный глух и нем от роду. Жослен, которому едва минуло семнадцать, заботился о нём, словно старший брат. Паскаль, в свободные часы, вырезал малышу забавные игрушки из деревянных щепок. Готран позволял отщипывать кусочки теста, когда выпекал караваи хлеба из серой муки.

Толстяк Арман, что варил молодые побеги дягиля² в паче, непременно давал лакомство Бертану. Малыш так и засыпал ночью, с липким сладким стебельком в руке.

Мальчик привык тихонько сидеть в часовне во время службы и, старательно подражая старшим, осенял себя крестом и склонял голову. И однажды, к всеобщей радости, монахи услышали, что он старательно шепчет слова молитвы, повторяя за настоятелем. Слава Господу, Бертан здоров и не страдает глухотой.

Очень скоро рукава бархатной куртки найдёныша стали

¹ la lumière (фр.) – свет, световой поток

² лекарственное растение

коротки, башмаки малы. Теофиль сшил ему монашескую суктану из простой домотканой материи. Паскаль вырезал маленькие сабо, куда для тепла, заботливый Жослен положил соломы.

Всё было мирно и покойно до зимней ночи полнолуния.

Обитель погрузилась в сонную тишину, за стенами раздавался шорох ветвей, да тоскливый волчий вой доносился из леса.

Жослена разбудили стоны мальчика. Ребёнок метался на узкой лежанке, по вискам стекали струйки пота. Лицо его было бледным, словно выпавший снег.

Испуганный послушник бросился за отцом Венсаном.

– Господин настоятель, простите, что беспокою вас, но сдаётся мне, мальчонка помирает!

– Оставь, друг мой, разве просят прощения, когда зовут на помощь?

Старик тотчас поспешил в келью Жослена. Ох, и страшную картину увидел настоятель!

Мальчик был бледнее полотна, серые глаза потемнели. Злобная гримаса исказила милое прежде лицо. Бертан силится развязать тесёмки ворота на рубашке, словно хотел сорвать что-то со своей шеи.

Отец Венсан с ужасом заметил, что ногти на детской руке удлиннились и стали острыми.

– Жослен! – Крикнул старик. – Беги и разбуди братьев,

живо! Скорее идите в часовню, зажгите свечи и молитесь, пока я не приду за вами!

Молоденький монах, не помня себя от страха, кинулся исполнять приказание. А отец Венсан, опустился на колени перед лежанкой мальчика и, схватив его за руки, громко начал читать молитву. Глаза Бертана стали совсем чёрными и сверкали, словно угли, злобная улыбка кривила его губы. Ребёнок отчаянно пытался освободиться, острые ногти больно впились в руки старика. Волосы взмокли от пота, дыхание было обжигающе горячим.

Старик продолжал молиться, тело его онемело, спина нестерпимо ныла. И вот, дыхание мальчика стало тихим и ровным, погас страшный блеск в глазах, и отец Венсан с удивлением увидел, что острые ногти на руках Бертана, исчезли. Перед ним вновь был маленький мальчик, что мирно спал, словно и не было этого ужасного превращения.

В глазах настоятеля показались слёзы радости. Старик тяжело поднялся с колен, изнемогая от усталости. Он заботливо накрыл ребёнка грубым шерстяным одеялом и поправил ворот его разорванной рубашки. И только сейчас, Венсан заметил, что так отчаянно пытался сорвать с себя мальчик. На его шее был странный кулон, искусно вырезанный из дерева. Крест, обвитый листьями платана, и монограмма «Ф. Л. Г.»

Отец Венсан впервые видел, что бы украшения выделывали из осины. Неужто для кулона не нашлось более благо-

родного материала? Но, как бы там ни было, амулет надели неспроста. И кто знает, как повернулось бы дело, сорви бедное дитя это украшение. Старик вернулся к себе совсем разбитым, сердце его страдало от невыносимой боли. Бедный настоятель явно столкнулся с нечистью. Что же делать? Обитель, не место для приюта тёмных сил! Но, если рассказать всем, что он видел, несчастного ребёнка ждёт верная смерть. Кого остановит, что это всего лишь дитя? Настоятель не сомкнул глаз до самого рассвета, он отчаянно молил Господа, помочь ему сделать правильный выбор.

Наутро Бертан вновь был прежним, румянец играл на его щеках и мальчик совсем не помнил, что было предыдущей ночью. И случайно увидав покрытые царапинами руки старика, с жалостью прижался к ним щекой. Глаза Венсана Мареля наполнились слезами, вне всяких сомнений у подкидыша доброе сердце.

И старый настоятель благодарил всех Святых за чудесное исцеление. Не зря ребёнок оказался в обители, стало быть, это должно защитить его от страшного зла. И отец Венсан, ещё твёрже уверовал в разумность своего решения, оставить мальчика.

Настоятель скрыл от всех подробности страшной ночи. Ничего особенного не произошло, должно быть, бедняжка всего лишь, увидел страшный сон. Но молитвы развеяли ночной кошмар, хвала Господу. Да, надо бы окрестить мальчика, ведь никто не знает, успели ли его бедные родители

провести обряд. Во время таинства, ребёнок был совершенно спокоен. Уж не привиделось ли Венсану Марелю страшное видение? Проклятая нечисть должна была бы проявить себя. После крещения, Бертан получил от настоятеля серебряный крестик, но снять с его шеи деревянный амулет, старик Венсан так и не решился.

Мальчик ничем не отличался от обычных детей своего возраста. Разве что, был молчалив и не по годам серьёзен. Да и скромный монастырский уклад вряд ли способствовал праздному веселью и шалостям. Бертан, с удовольствием возился в огороде, помогая брату Жослену. Учился стряпать у брата Готрана, и стоя на маленькой скамье, помогал помещивать патоку, брату Арману. Лишь в ночи полнолуния, настоятель, под любым предлогом, оставлял мальчика в своей келье и, не смыкая глаз до самого рассвета, молился. Убедившись, что малыш спокойно спит и ничто не превращает личико ребёнка в злобную гримасу, старик, позволяя себе вздремнуть, сидя у его постели. Пожалуй, настоятель действительно ошибся. Какое счастье, что он не поднял тревоги и не стал причиной гибели невинного дитя.

Теперь, когда кто-нибудь из монахов отправлялся в деревню, продать сладости и пополнить запасы, обязательно брали с собой Бертана. Чего хорошего, что мальчонка, все дни напролёт сидит за высокой оградой, и дальше двора носу не высунет? Разве не славно прокатиться по лесной дороге и посмотреть на деревенскую ярмарку.

У крестьян, ребёнок, одетый в монашескую сутану, вызывал улыбку. Уж больно благочестиво ведёт себя мальчик. Гляди-ка, словно ему совсем не хочется побегать и пошалить, как другим ребяташкам. Женщины жалели маленького сироту, с таким милым лицом, большими, чуть приподнятыми к вискам, серыми глазами, и вьющимися каштановыми локонами, что свободно спадали на шаперон³. Каждой хотелось угостить ребёнка. И Бертан возвращался в монастырь с корзиной полной гостинцев, которые непременно ставил на общий стол.

Жизнь обители текла неспешно, зима сменяла осень, весна зиму. Лето, было самой любимой порой монахов. Хотя, и дел в монастыре прибавлялось, но, лучше возиться в огороде, ухаживая за овощами, чем стучать зубами от холода в нетопленной келье. Знатные господа не посещали, затерянную в лесу обитель, и не давали щедрых пожертвований. Монахам и угля купить не на что было. Приходилось собирать хворост, да тайком тащить его из лесу. Лесные угодья принадлежали обедневшему барону Дагне. Сыновья господина Дагне погибли в сражениях, и старик коротал свой век, в окружении малочисленных слуг и дочери Клеманс. Крестьяне злословили, что молодая баронесса так и не смогла найти жениха. У бедняжки не было никакого приданного,

³ средневековый головной убор. Вначале представлял собой капошон с длинным шлыком и пелериной

какой знатный сеньор посватается к ней? Старик пуще глаза берег несколько акров леса, вдруг да найдётся жених, что согласится взять их в придачу к невесте. И слуги барона зорко следили, что бы никто не смел, воспользоваться лесными дарами, не уплатив пошлины. А кому же охота отдавать свои кровные медяки за вязанку хвороста, или пойманного в силки кролика?

В один из зимних дней, Жослен решил отправиться в лес за хворостом. Целое утро монахи безуспешно пытались развести огонь, что бы сварить капустный суп, но жалкая охапка соломы мигом сгорела, а вода и не вздумала закипеть. Уж больно морозная погода выдалась. Студёный ветер проникает во все щели и выдувает последнее тепло. Может, в эдакую стужу, слуги барона сами не решатся покинуть господскую кухню, где в очаге весело танцует пламя?

Несмотря на уговоры, Бертан тоже собрался с ним. Вот упрямец! Толку от шестилетнего парнишки в таком деле? Ну, унесёт маленькую охапку промёрзших веток, а там не ровен час, провалится в сугроб по самую макушку. Или, чего уж хуже, отморозит ноги, как брат Мишель и станет хромым на всю жизнь.

Ничего не помогало. Бертан уверял, что ни на шаг не отойдёт от Жослена, и будет старательно притоптывать ногами, что бы не замёрзнуть. Он, всего лишь, поможет тащить по снегу гружёную тележку.

– Да, уймитесь, вы, спорщики! – Серdito воскликнул Ар-

ман. – Зимний день короток, вы окажетесь в лесу затемно, да и мы будем дрожать от холода, и голодать, дожидаясь вас.

Бертан и впрямь, старательно помогал вязать хворост. Вскоре, тележка доверху наполнилась, и колеса тонули в снегу. Каждый шаг давался тяжело. Холодное зимнее солнце успело спрятаться за верхушками заснеженных деревьев, а путники одолели лишь четверть пути.

– Не беда, – подбадривал мальчика Жослен. – Я не раз собирал хворост в этом месте, легко найду дорогу и в темноте.

Но стоило им сделать всего несколько шагов, как, на белеющей за деревьями поляне, показались волки. Неторопливо выходили они из перелеска и окружали добычу.

Бедняга Жослен замер от ужаса:

– Бертан, малыш, я постараюсь отвлечь кровожадных тварей, беги что есть силы в сторону от ельника, и не вздумай свернуть в сторону. Если поторопишься, то успеешь спастись. Беги, беги скорее.

– Нет, брат Жослен, один я не пойду, – спокойно ответил мальчик.

– Ах, не время упрямитесь! Волкам на ужин хватит и одного монаха.

– Нет, – повторил Бертан. Ни в его голосе, ни в глазах совсем не было страха.

Волки подходили всё ближе и ближе. Через миг вся стая накинется на несчастных путников. Жослен крепко обнял ребёнка и прикрыл его своим телом.

– Жаль, что приходится помирать так рано, – прошептал он. – Надеюсь, что проклятые звери утолят свой голод раньше, чем доберутся до тебя.

Молодой послушник зажмурился и приготовился принять страшную гибель, шепча молитву замёрзшими губами. Бедняга не видел, что серые глаза Бертана стали непроницаемо чёрными, как вода на дне старого колодца. Мальчик исподлобья, в упор смотрел на хищников.

Раздался тоскливый волчий вой, звери попятились, и вскоре, рыча и поскуливая, скрылись в заснеженной чаще. Жослен, наконец, решился открыть глаза и с удивлением, оглядел опустевшую поляну.

– Ах, Святая Франсуаза, Святой Бриак! Неужто мы живы! Глазам не верю, экое счастье избежать страшной смерти! Ну, малыш, хватай скорее верёвку, и уберёмся подобру-поздорову, с проклятого места.

А в обители, давно уже не находили себе места. Вот напасть, видно Жослен с мальчиком попали в беду.

– Ох, братья, вдруг бедняги замёрзли в лесу насмерть?

– Скажешь тоже, брат Паскаль. За работой холод не страшен, вот если только брат Жослен, помилуй Господь, подвернул ногу и лежит в снегу без всякой помощи! Уж верно мальчик не дотащит его из лесу.

– А может, Бертан засмотрелся на белку, или лисицу, да и потерялся? И бедняга послушник ищет его?

– Ах, дети мои, – покачал головой настоятель. – Не луч-

ше ли, взять фонари и отправится на поиски, чем кликать беду на пропавших?

– Господин Венсан, да фонари наши давно опустели, масла не наберётся и на один.

– Так зажигайте палки с соломой, это поможет отпугнуть волков, что хозяйничают в зимнем лесу.

И когда Жослен с ребёнком подходили к монастырю, навстречу им двигалась целая процессия, освещающая путь самодельными факелами.

Ну и чудесное спасение! Монахи вовсе позабыли, что остались без обеда и ужина. Всем хотелось послушать рассказ Жослена, и не упустить ни единого словечка. Братья уже не замечали, что холод струится по стенам кухни, и при каждом слове, изо рта вылетает облачко пара. Пожалуй, такое происшествие случается раз в жизни. Где это видано, что бы целая стая голодных волков, убралась восвояси, не тронув безоружных путников? Не иначе, Святые позаботились об их спасении. Удивительно, как это мальчуган не испугался. Любой взрослый на его месте, пустился бы наутёк, или завопил бы со страху на весь лес. Что и говорить, Жослен, укрывший ребёнка своим телом, и малыш Бертан – отчаянные храбрецы! Осталось только, прочесть молитву и отправиться на покой в холодные кельи.

Стоило толстяку Арману навеститься в деревню, как слухи о чудесном избавлении от смерти, молодого послушника и сироты из обители, разнеслись по всей округе. И рас-

сказ обрастал подробностями, переходя от одного крестьянского двора к другому. Вскоре, каждый проезжающий мимо, слышал, как в зимний лес явились Святые, что бы прогнать волков и спасти одиноких путников. История дошла даже до старого барона Дагне и его дочери. Баронесса прослезилась, а старик так расчувствовался, что пропустил мимо ушей, по какой причине, монахи оказались в его лесу.

И вновь потекла неспешная жизнь скромной обители. Стены монастыря ветшали, с северной стороны, их давно облюбовал мох. В крыше дровяного сарая зияла дыра. Ставни разошлись и жалобно скрипели, при малейшем ветерке. Словом, каждая поломка, наносила страшный ущерб, денег едва хватало пополнить запас провизии, где уж там думать о починке. Прощение о бедственном положении обители, отправленное старым Венсаном самому епископу, осталось без ответа. И настоятелю ничего не осталось, как отправить монахов, просить подаяние.

Беднягам предстояло проделать немалый путь, ведь в окрестных деревнях, зажиточных людей можно пересчитать по пальцам. Даже барон Дагне смог расстаться лишь с десятью эки⁴ и корзиной яблок. В один из дальних походов отправился и Бертан, упросив брата Паскаля взять его с собой. Вначале, всё шло, как нельзя лучше. Горожане охотно бросали медяки в глиняную кружку, что крепко прижи-

⁴ старинная монета

мая к себе, держал мальчик. Экий молодец, совсем ещё дитя, а вместо шалостей, да глупых развлечений, ходит день-деньской по брусчатой дороге, собирая деньги, на благое дело. Но, на одной из рыночных площадей, за Паскалем и Бертаном увязалась целая ватага мальчишек, из тех, кто с утра до ночи бьёт баклуши и тянет всё, что плохо лежит.

Они уже давно заприметили монахов, и во что бы то ни стало, решили поживиться. Это лёгкая добыча, отвлечь старого, и обобрать малого. Зато в кружке полно звонких монет. Пожалуй, она набита до самого верха.

Стоило Паскалю и мальчику присесть возле коновязи, что бы немного подкрепиться, как перед ними возник вертлявый парнишка.

– Святой Отец, окажите милость. – Плаксивым голосом, прогнусавил он. – Моя сестра помирает, господин кюре⁵ ушёл крестить сына каретника. Покуда дойдёт очередь до нас, бедняков, сестра успеет помереть без покаяния.

– Ах, бедняжка, вот незадача, – пробормотал Паскаль. – Ну, ничего, я навещу несчастную. Бертан, сынок, подожди меня здесь, если больная так плоха, пожалуй, дело не затянется надолго. А ты, пока передохнешь немного.

– Идите за мной, господин, – шмыгая носом, сказал мальчишка. – Я мигом проведу вас, тут рядом.

И Паскаль направился за своим провожатым. Юркий па-

⁵ Во Франции, Бельгии и нек-рых других странах: католический приходской священник.

рень, шнырял из одного узкого переулка в другой, словно пронырливый мышонок. Вскоре, монах совсем запутался в бесконечных улочках и проулках. А хитрый мальчишка шмыгнул в подворотню и был таков.

Тем временем, остальная братия, что непременно решила разжиться деньгами, и покуражиться над тем, кто не сможет ответить, окружила Бертана.

– Эй ты, святоша, давай сюда кружку с монетами, и проваливай, если не хочешь получить тумачков.

Бертан окинул взглядом жадные лица:

– Нет, это деньги для обители, и я отдам их только нашему настоятелю.

– Ой, умора! Со смеху помереть можно! Что ты там пропищал, церковный мышонок?

– Я отдам деньги, только господину Венсану. – Спокойно повторил Бертан.

– Ну и наглец! – Выкрикнул самый рослый из мальчишек, по прозвищу Додо Бродяга. – Видно монахи не выучили тебя хорошим манерам. Ну, не беда, сейчас мы мигом поправим дело. Смотрите, братцы, как этот слюнтяй, с девчачьими локонами, начнёт умолять о пощаде, после славной трёпки. Старый разиня монах, которого ловко провёл наш Николя, пожалуй, и не признает этого крысёнка с разбитым носом и заплывшим глазом.

Предводитель маленьких негодяев, ухмыльнулся. Он подмигнул подельникам и, сжав кулаки, ринулся к добыче.

Бертан даже не шевельнулся, он смотрел в упор на обидчиков, и серые глаза его потемнели. Увесистый кулак Додо так и не достиг цели, руки беспомощно повисли, словно плети. Бродяга дёргал плечами, растерянно поворачивался из стороны в сторону, а руки его болтались словно у тряпичной куклы. Глаза Додо наполнились страхом, ватага мальчишек растерянно тарасилась на своего предводителя. Что за внезапный недуг напал на Бродягу? Додо готов был завывать от ужаса, слёзы градом покатались по его лицу. Он метнулся к дружкам, видно надеясь на помощь, но те попятились, и в страхе, бросились врассыпную. Бродяга бросился за ними, нелепо покачиваясь и спотыкаясь о каждый камешек.

И тут, на дороге показался Паскаль, он шёл торопливо, утирая вспотевшее лицо.

– Ах, Бертан, хвала Деве Марии, с тобой всё в порядке. С тех пор, как пронырливый негодник сманил меня неизвестно куда, я боялся, что ты станешь лёгкой добычей жуликов и пройдох. Никто не обидел тебя, сынок?

– Нет, брат Паскаль, я мирно дожидался вашего возвращения.

– Вот радость! Наша кружка с монетками цела. Молодец, что сберёг её, мальчик. Наверняка, ни мало желающих нашлось бы отобрать деньги у беззащитного ребёнка.

– Должно быть, вы правы, брат Паскаль, здесь пробежала ватага мальчуганов, но, видно зла у них в мыслях не было. – Невозмутимо проронил Бертан.

Паскаль кивнул и осенил себя крестом:

– Ну, пойдём же дальше, сынок, дотемна успеем добраться до деревни, и заночевать у добрых людей.

А Додо, завывая от страха, успел добежать до речки, и распугать своим видом сердитых прачек, что полоскали бельё. Плюхнувшись в воду, Бродяга завыл ещё громче и отчаянно заколотил руками, подняв целый фонтан брызг. Только сейчас он почувствовал, что руки его вновь стали прежними. Радость от чудесного исцеления так захватила Додо, что он терпеливо снёс несколько ударов мокрым бельём по спине, от рассерженных прачек. Это приключение надолго отбило у Бродяги желание пожить чужим добром.

Обитель продолжала вести свою неспешную жизнь. Собранных денег хватило на новую солому, что бы перекрыть крышу сарая, да на покупку нескольких мер угля к зиме.

Старик Венсан учил Бертана грамоте, и тот часами, старательно выводил буквы гусиным пёрышком. Паскаль учил мальчика плотничать, Готран стряпать. Мишель показывал, как правильно заботиться о домашней птице, и седлать лошадь. Словом, каждый, кто владел ремеслом, старался научить Бертана тому, что знал сам. Видно, такая учёба шла на пользу. К двенадцати годам, мальчик не хуже взрослого, справлялся с любой работой. Что же делать, раз он сирота? Вдруг решится покинуть обитель. Такого ловкого и умелого работника возьмут с радостью. Он всегда сможет заработать

себе на хлеб. А там, возможно женится, да получит за женой в приданое корову, или надел земли. Но Бертан, лишь качал головой, ему вовсе не хотелось, до старости, сидеть на одном месте. Вот бы отправиться в путешествие на корабле, да по-видать разные страны.

Монахи, тотчас обрушивались на старого Марсея. Это негодный старик забивает мальчонке голову рассказами о путешествиях. В молодости, Марсель служил на корабле герцога Дюкре, и частенько вспоминал о славных походах по морю.

– Не слушай его, Бертан, – увещевали монахи. – Что хорошего болтаться по воде, словно щепка? Человеку пристало жить на суше, а не изображать из себя рыбу. И до добра такая жизнь не доведёт. Взглянуть хотя бы на старика Марсея, у него ни кола ни двора, ни семьи, ни детей, что могли бы позаботиться о нем в старости. Только благодаря доброте господина Венсана, несчастный скиталец не помер на дороге, а нашёл приют в обители.

Но мальчик, каждую свободную минуту, шёл к старику, и зачарованно слушал очередной рассказ о морских путешествиях.

Однажды, в погожий летний день, небо вдруг заволокло тучами и хлынул ливень. Монахи, в спешке бросились собирать ягоды, уложенные для просушки, и торопились укрыться от дождя под навесом, как в ворота раздался стук.

Не успел Арман отпереть дверь, как сильный удар сбил его с ног.

– Вот проклятый боров! Битый час копался с замком, верно, ждал, пока знатные господа вымокнут до нитки! – Грубо крикнул человек, в богатой и нарядной одежде. За ним, во двор обители, ввалилось ещё несколько таких же щёголей. Их лошади были забрызганы грязью, по самое брюхо, и устало топтались возле ворот. Развязным и наглым господином, что по-хозяйски покрикивал на всех, был маркиз Лавасьер.

О нем, давно уже шла дурная слава. Все дни он проводил в кутежах и попойках. И раз за разом, его развлечения становились более жестокими. Словно, ему и его дружкам, доставляло удовольствие глазеть на чужое горе. Да отчего же не поглумиться над бедняками? Господь видно нарочно создал их, на потеху знатым господам. И никакие жалобы и прошения самому королю, не могли остановить Лавасьера. Ещё бы, жизнь при дворе так скучна, а маркиз, всегда имеет в запасе пару историй о своих «подвигах». И королевская свита покатывалась со смеху, слушая очередной рассказ.

В это раз, Лавасьеру и его прихвостням, вздумалось поохотиться в лесу провинции, где они ещё не бывали. Господа с утра, так славно угостились вином, что не смогли изловить даже жалкого кролика. Да ещё, ниоткуда хлынул проливной дождь, дороги размыло, лошади скользили в жидкой грязи. Тут то, на беду, им и попалась старая обитель.

Монахи бросились поднимать Армана, а дружки маркиза

так и корчились от смеха.

– Вот умора, господин Лавасьер! Я давно так не хохотал!

– Господин маркиз знает толк в пинках, этот толстяк завалился, словно тюк сена!

– Ох, господа, у меня уже слезы выступили от смеха, этот жирный боров упал носом, прямо в грязную лужу!

– Грешно сеньорам смеяться, над тем, что причиняет боль, – нахмурившись, произнёс Жослен. – Если вам нужно укрыться от дождя, и обсохнуть, обитель, с радостью, приютит каждого, но придётся унять громкое веселье и злословие, вы пришли в монастырь, дом Божий.

– Что? Господа, мне послышалось, или этот щенок в задрипанной хламиде, вздумал меня поучать? Меня, маркиза Лавасьера! – Воскликнул щёголь. – А не научить ли хорошим манерам, это нище отродье?

Его дружки, ухмыляясь, обнажили шпаги, в предвкушении новой забавы.

– Гоните этих олухов в сарай, да подоприте хорошенько двери, – вскинув голову, приказал маркиз. – Пусть посидят там, пока не научатся, с почтением встречать знатных господ. А этого щенка, что вздумал меня поучать, свяжите верёвкой, да покрепче.

Угрожая шпагами, дружки Лавасьера затолкали в деревянной сарай Готрана, старика Марсея, Паскаля и беднягу Армана, который еле перебирал ногами. Связанного Жослена, господа наградили таким пинком, что несчастный кубарем

покатился по земляному полу.

– Если, хотя бы слово, я услышу из вашей жалкой конуры, – крикнул вслед пленникам маркиз, – велю поджечь сарай.

Брату Мишелю, господа приказали проводить их в зал и подать вина и закусок. Мишель принёс кувшин наливки из ягод, немного яблок и кусок козьего сыра.

– Ах ты, проклятый разиня! Воображаешь, что мы должны утолить голод, обедом для нищих? – Воскликнул маркиз.

– Эти церковные крысы совсем обнаглели! – Подхватили собутыльники Лавасьера. – Пусть немедля подадут жареных гусей и паштет!

– Почтенные господа, – произнёс растерянный Мишель. – У нас нет другой еды.

– Как бы ни так, наглец, я сам слышал, как в загоне гогочут гуси, – высокомерно сказал шевалье Перрен. – Даём тебе четверть часа, что бы исправить дело.

Бедняга Мишель, что с таким трудом и заботой, растил трёх гусаков, купив у крестьян совсем маленьких птенцов, умоляющее посмотрел на маркиза и покачал головой.

– Что! Ты не хочешь накормить знатных господ, как полагается? – Прошипел маркиз. – А ну, Перрен, Ришар, Шаброль, покажите этому неучтивому ослу, как ощипывать гусиную тушу!

Несчастный Мишель, со слезами на глазах, умолял оставить птицу в покое, но дружки маркиза, лишь хохотали, пы-

таясь поймать гусей. Подвыпившие прихвостни Лавасьера, повалили ограду загона, за оградой обрушился навес, что старательно строил Мишель, укрывая птиц от дождя. Гуси, в страхе метались по двору, растопырив крылья, перья летали вокруг, словно снежная буря. А маркиз, глядя в окно на это бесчинство, лишь посмеивался, да ещё больше науськивал дружков.

Шум и грохот во дворе долетел в келью настоятеля, что пряталась в самой дальней галереи монастыря.

– Бертан, мальчик мой, пойду, взгляну, что там приключилось, уж слишком шумят братья. – Сказал Венсан.

– Я могу сбегать и посмотреть, Святой Отец, – почтительно ответил мальчик. – Ведь вам нелегко спускаться с лестницы.

– Отраднo, сынок, что в твоём сердце живёт сострадание, – улыбнулся старик, погладив Бертана по голове. – Но, человек должен ходить сам, пока его ноги в состоянии сделать хотя бы шаг. А тебе нужно закончить целую страницу книги.

Настоятель тяжело оперся на посох и медленно направился по галерее обители. Бертан проводил взглядом сгорбленную фигуру старика и решил таки прервать своё занятие. Не ровен час, бедняга Венсан оступится на узкой лестнице. И мальчик тайком направился за ним.

Тем временем, маркизу наскучило смотреть, как его прихвостни носятся по двору, в безуспешных попытках, изло-

вить хотя бы одного гусака. И Лавасьер придумал новое развлечение. Разве не смешно, охотничьей плетью, сбивать с полок кувшины и глиняную утварь?

Вдоволь повеселившись во дворе, дружки маркиза, с радостью, принялись за новую забаву. А ну, удастся ли сбить кувшин с самой верхней полки, запустив в него камнем? Эгей, кто самый меткий? Вот потеха, черепки так и брызнули в стороны. А ну ещё!

Когда настоятель спустился вниз, его глазам предстала картина полного разорения. Пол усеян черепками, стены в пятнах, от пролитого вина и чудесного масла, что монахи кропотливо собирали для праздника всех Святых. Мешок с мукой, господу видно проткнули шпагой, и больше половины успело просыпаться на пол.

– Что здесь творится? – Воскликнул, поражённый разгромом, настоятель. – Господа путники, я не стану взывать к вашей совести, но лучше, если вы немедленно покинете это место. А мы с братьями помолимся, что бы господь не оставил вас милостью.

– Это ещё что за старикан явился читать нам проповеди? – Усмехнулся Лавасьер.

– Должно быть, здешний настоятель, – хихикнул Перрен. – Он так стар, что, пожалуй, его сутана покрылась мхом. Дружки маркиза так и покатались с хохоту.

– Право, господу, раз монахи не смогли развлечь гостей, пусть нас потешает настоятель. – Лицо маркиза скривила

гримаса жестокой радости. – А ну, старик, спляши нам бурре⁶, да посильнее топай своими деревянными башмаками, что бы крестьяне слышали, какое веселье царит в этой дыре.

Маркиз схватил несчастного старика за плечи и потрянул так, что Венсан Марель выронил посох, и едва удержался на ногах.

– Будешь ты, наконец, плясать, нудный святоша! – Крикнул Лавасьер, и со всей силы толкнул настоятеля. Бедный старик взмахнул руками и рухнул, как подкошенный. Лишь чудом, подскочивший Бертан сумел удержать несчастного, иначе старику не миновать верной смерти от удара о каменный пол.

– О, господа, глядите-ка, эти монахи появляются из всех щелей, словно амбарные крысы! – Захохотал Ришар. – Теперь прискакал мальчишка.

– А славные локоны у этого щенка, – хихикнул Шаброль, поглядывая на длинные, густые волосы мальчика. – Надо бы срезать их и подарить моему лакею для парика.

И сеньоры вновь оглушительно захохотали. Тем временем, Бертан, что стоя на коленях, бережно придерживал обессилевшего настоятеля, в упор уставился на господ. Глаза его потемнели, словно безлунная ночь.

– Маркиз жаждал танцев? – Послышался низкий, глухой, словно из самой преисподней, голос. – Так спляши сам.

И вдруг, к полному удивлению господ, Лавасьер притоп-

⁶ старинный французский народный танец

нул ногой, взмахнул руками, и начал отплясывать бурре, отчаянно постукивая нарядными башмаками.

Дружки маркиза застыли в изумлении. А Лавасьер продолжал танцевать, словно паяц в балагане, нелепо задирая ноги и прищёлкивая пальцами. Глаза его наполнились ужасом, все усилия прекратить проклятую пляску были тщетны. По лицу его градом катился пот, от разгорячённого тела валил пар, но, жуткий танец не заканчивался.

Ошалевшие прихвостни маркиза, очнувшись, попытались броситься ему на выручку, но оказалось, что никто из них не может сдвинуться с места. Ноги намертво приросли к полу. Нижняя часть туловища словно окаменела. И в безуспешных попытках сделать хоть один шаг вперёд, они лишь сгибались в поясе, да беспомощно размахивали руками.

Старый настоятель, в испуге смотрел на эту нечеловеческую пляску, но случайно взглянув на Бертана, старик пришёл в ужас. Глаза мальчика были черны, как мрак подземелья, и хищная усмешка кривила его губы.

А маркиз продолжал танцевать. Глаза его закатились, видно было, что силы его на исходе и только смерть остановит жуткую пляску.

– Бертан! – В отчаянии крикнул настоятель! – Очнись, ради всего святого, останови это!

Мальчик вздрогнул, и отец Венсан, с удивлением увидел, что глаза Бертана вновь ясного серого цвета, и злобная насмешка исчезла с лица.

Меж тем, в дровяном сарае, монахи освободили от верёвок Жослена. После трёх неудачных попыток, парню удалось проделать в крыше дыру, и выбраться из заточения. Теперь ему хватило и нескольких минут, что бы освободить остальных. Прихватив серп, заступ, а то и просто увесистое полено, монахи, во что бы то ни стало, решили прогнать непрошенных гостей. Но стоило им подойти к дверям, ведущим в трапезную, как на пороге показались дружки маркиза. Лица их были перекошены страхом, они волоком тащили бесчувственное тело Лавасьера, ежеминутно оглядываясь и вздрагивая от каждого шороха.

Увидав Жослена с серпом в руках и толстяка Армана, с заплывшим глазом, вооружённого поленом, как господа заблеяли словно овцы.

– Смилуйтесь, святые отцы, не лишайте нас жизни! – Голосили Шаброль, Перрен и Ришар. – Дайте нам мирно уйти восвояси, простите, что нанесли урон обители. Вот, возьмите деньги, всё, что у нас есть с собой, возьмите! Смотрите, тут полно золотых луидоров⁷ и серебряных эю, заберите их в плату за разорение. Только позвольте нам покинуть монастырь живыми!

Монахи, оторопев, смотрели на кошели, что знатные господа побросали прямо на землю, на белого и недвижимого маркиза, повисшего на руках дружков, как порожний мешок. Они так и стояли, открыв рты, пока господа не скры-

⁷ французская золотая монета

лись за воротами обители.

Первое время, настоятель Венсан ни в какую не соглашался потратить деньги, что оставили господа. «Это деньги мошенников и разбойников», – уверял старик. – «Они не пойдут впрок». Но монахи впервые решились спорить с господином Марелем.

– Святой Отец, разбойники оставили нас совсем нищими, разорив всё, что попало им на глаза!

– Как мы сможем пополнить запасы, у нас и миски то целой не осталось!

Скрепя сердце, старик вынужден был согласиться с братьями, но при этом, велел несколько луидоров пожертвовать беднякам и нищим. Пусть, хотя бы немного, перепадёт несчастным, от господской прихоти.

Кошелек Лавасьера и его дружков были отказу наполнены звонкими монетами, пожалуй, столько денег никому из обители и не случалось до этого держать в руках. Хватило и на починку загона и на уголь к зиме. На новые горшки и кувшины, на свечи и муку. Да мало ли нужных вещей можно купить, с таким богатством.

И жизнь в монастыре вновь стала неспешной и покойной. Монахи вообразили, что нечестивцев постигла заслуженная кара. Разве можно бесчинствовать в святом месте? Но настоятель, вспоминая глаза мальчика и жуткий голос, который услышал он в день разбоя, не мог спокойно заснуть. Неужто зло, что таилось в Бертане, вновь вырвалось наружу? Выхо-

дит, все труды, и забота о чистой душе ребёнка пошли прахом? А он столько лет лелеял мысль, что страшное превращение, ему почудилось.

Старик Венсан с грустью смотрел в ясные глаза своего любимца и тяжело вздыхал.

– Святой Отец, – почтительно произнёс Бертан. – От чего вы стали так грустны последнее время? Не от того ли, что разбойники понесли заслуженную кару?

– Ты сам начал этот разговор, сынок, – покачал головой настоятель. – Видит Бог, я надеялся, что зло, сидящее в тебе, побеждено молитвами и крещением. И думал, что ты сам не властен над ним. Но, теперь я знаю, что решать, когда и где этому злу показать свои когти, властен только ты. Может, оно и к лучшему, с Божией помощью, Бертан, ты можешь постараться, избавиться от него навсегда.

– Но, господин настоятель! – Воскликнул мальчик, – видно зло, живущее в моей душе, ничуть не страшнее того, что отравило душу маркиза и его дружков. Хорош бы я был, обратиться к разбойникам с одним лишь добрым словом. Пожалуй, ни вас, ни меня и в живых то не осталось.

– Ах, Бертан, сынок! Ты терзаешь мою душу этими словами! Не я ли учил тебя добру и прощению? Разве тебе дано право, единолично вершить правосудие и карать виновных?

– Господин Венсан! Вы же знаете, что я искренне люблю и уважаю вас! Но разве моя вина, что родился я таким, какой есть?

Глаза старика наполнились слезами:

– Бедный мой мальчик, в каждом из нас таится и зло и добро. Я лишь хочу, что бы твоя душа была чистой, и совесть не мучила тебя по ночам. Человек, что сеет горе, и страдание не может быть счастливым. А я, всей душой, хочу счастья для тебя. Я боюсь за твою жизнь, Бертан! Если люди узнают о твоём изъёме, ты будешь, отвергнут и проклят всеми. Тебя ждёт горькое одиночество, или смерть на костре! Каждую минуту я молю за тебя всех Святых. Боль и страх терзает меня день и ночь.

Бертан склонился к руке старика и прикоснулся к ней губами.

– Не мучаете себя горькими мыслями, Святой Отец, я постараюсь прожить достойную жизнь. И вовсе не собираюсь наводить ужас, и губить род людской. Будь я приспешником демонов, то, пожалуй, не смог бы прожить столько лет в святом месте.

Венсан Марель улыбнулся и погладил мальчика по голове.

– Иди с миром, мой дорогой Бертан, я верю, что сможешь избавиться от тёмной частички твоей души.

Мальчик почтительно поклонился и уже стоя на пороге кельи, произнёс:

– Конечно, господин настоятель, надеюсь, мне никогда больше не придётся будить сидящие во мне силы зла. – Бертан прикрыл дверцу. – Если, вновь не решу покарать виновных. Ведь торжество справедливости важнее способа его до-

стигнуть. – Вполголоса добавил он.

Больше никакие события не нарушали мирную жизнь монастыря. До монахов долетали отрывочные слухи, что знаменитый маркиз Лавасьер, что однажды решил поохотиться в здешних угодьях, вернулся в свой замок немощным и больным. Никто из врачей не смог найти причину странного недуга. Несчастный больной, в одночасье обездвижил и лишился речи. Все дни он лежал в кровати, и только когда в окно его спальни доносились звуки бурре, что отплясывала по праздникам прислуга, глаза Лавасьера наполнялись слезами. Его дружки, Шаброль, Перрен и Ришар, вовсе отказались от кутежей и попоек. Они стали самыми ретивыми прихожанами церкви и часами простаивали на коленях, выпрашивая прощения и милости. Еда их отныне была скромной, а милость раздаваемая беднякам, щедрой. Вскоре, о них только и говорили, как о примере добродетельной и благочестивой жизни.

Старый настоятель по-прежнему искренне любил Бертана, но ночами, тоска и предчувствие беды сжимали его сердце. Как уберечь мальчика от зла, что, несомненно, таится в нем? Венсан часами листал книги, пытаясь найти ответы на свои нескончаемые вопросы. Бертан никак не подходил под описание приспешников тьмы. Но, странный кулон на его шее... Осина – верное средство от нечисти, а мальчик спокойно носит украшение долгие годы. К тому же, на ку-

лоне изображён крест. Да и листья платана, издавна призваны защищать от ядов и дурного глаза. Вот горе! Несчастный старик никак не мог разобраться. Не оставить ли это бесполезное занятие? Ведь настоятель искренне привязался к найдёнышу и любил его всем сердцем.

Обитель, затерянная в лесу, с каждым годом ветшала, стены и ограда осыпались. Все попытки монахов поправить дело, походили на усилие портняжки, что ставит заплату на истлевшее полотно. И настоятель Венсан, словно угасал вместе с монастырём Старик почти не выходил из своей кельи, видно было, что эту суровую зиму, щедушный господин Марель не переживёт Бертан каждую свободную минуту навещал старика, иногда и вовсе забывая про сон и еду.

Настоятель по-прежнему называл его «мой мальчик», хотя Бертану минуло семнадцать лет, и, входя в келью, ему приходилось склонять голову, что бы не задеть дверную балку.

В один из морозных зимних вечеров, в монастырские ворота отчаянно постучали. И вскоре, на пороге кухни, где монахи сидели возле очага, в надежде согреться, появился Мишель с незнакомцем.

Братья пустили путника ближе к огню, видно было, что бедняга промёрз до костей. Его истрёпанная накидка, сплошь усыпана снегом, обвисшие поля старой шляпы почти скрыли лицо. Несчастный дрожал всем телом и испуганно

оглядывался по сторонам. Увидав на стене деревянное распятие, незнакомец бросился к нему, упал на колени и стал бессвязно бормотать:

– Сюда они не придут... нет, они не посмеют пробраться за монастырские стены! Святая Дева, Святой Франциск, защитите меня!

Монахи удивлённо переглянулись.

– Эй, господин, с вами должно быть беда приключилась? – Спросил Арман.

Незнакомец, окинул его безумным взглядом и вновь забормотал:

– Нет... сюда им не добраться! Я нашёл надёжное место!

– Послушайте, господин! Да объясните же толком, что с вами приключилось! – Воскликнул Франсуа. – Вы приговариваете, словно помешанный, даже имени своего не называли! А меж тем, видно, что вам необходима помощь!

Гость, словно очнулся, он присел на краешек скамьи, и, оглянувшись на дверь, прошептал:

– Меня хотят убить...

Монахи так и застыли от удивления.

– Должно быть, за вами гнались бродяги, в надежде поживиться, – пробормотал Мишель.

– Нет. – Покачал головой незнакомец. – Бродяги не напугали бы меня до полусмерти.

– Вы говорите загадками, – воскликнул Жослен. – Лучше подвиньтесь ближе к огню, да выпейте подогретого вина. Ко-

гда окончательно придёте в себя, так расскажите нам по порядку свою историю. А то от ваших причитаний, и нам становиться не по себе.

Братья терпеливо дождались, когда незнакомец осушит кружку до дна. Бедняга видно согрелся, он снял свою старую шляпу и развязал тесёмки накидки. В его тёмных волосах поблескивали седые пряди, худое лицо выглядело измождённым. Глаза несчастного покраснели, словно он не спал несколько ночей кряду.

Незнакомец вздохнул и тихо произнёс:

– Меня зовут Пьер Катель. Я служил лакеем у знатных господ. Но, не просите меня назвать имя моего хозяина и место, где шла моя служба.

– Должно быть, с вашим хозяином беда приключилась, господин Катель?

– Да, вы правы, с ним произошло несчастье, – покачал головой незнакомец. – А теперь и мне грозит гибель.

– Может, мы сумеем помочь вам? – Спросил Жослен. – Если конечно, вы расскажите что произошло.

– Нет, нет! Ни за что. Не судите меня, добрые люди, но я никому не смогу поведать правды. Я дал обет молчания, поклялся на распятии в своей верности. Теперь, я хочу лишь одного, покинуть страну и избавиться от кошмара всей моей жизни.

Монахи переглянулись.

– Если вы, господин Катель, не совершили никакого пре-

ступления, от чего же скрываться?

– Я? Преступление? Да я за всю жизнь мухи не обидел. Был верным слугой и честным человеком. Вот за эту верность, теперь мне и приходится платить.

– Ах, господин Катель, вы говорите загадками, битый час мы пытаемся понять, что вам грозит.

Гость окинул сидящих взглядом, полным тоски и безысходности:

– Они хотят, что бы я помог им отыскать детей. Только я знаю особую примету. Но я отказался и теперь, они решили убить меня.

Монахи вновь переглянулись.

– Да что это за люди, которые готовы погубить человека, только за отказ в помощи?

– Они не люди... – Прошептал Катель, опустив голову.

По лицу было видно, что больше ни слова не получится вытащить из ночного гостя. Видно, он и впрямь дал обет молчания, и готов хранить верность своему слову. Как ни старались монахи, ничего больше не смогли добиться они от Кателя.

Когда в кухню спустился Бертан, Франсуа шёпотом поведал ему о ночном госте.

– Мир вам, господин, – произнёс юноша. – Я вижу, тяжёлая дума мучает вашу душу. Братьям вы открыться не желаете, может быть, господин настоятель выслушает вас?

– Ну, уж, хватил! – Воскликнул Жослен. – Господин Вен-

сан еле жив, разве достанет у него сил выслушивать покаяние?

– Эх, брат Жослен, разве тебе решать такое? Представь, как настоятель огорчится, узнав, что нуждающийся остался без помощи. Это сведёт его в могилу быстрее, чем исповедь несчастного.

Монахи согласно закивали головами.

– Бертан прав, спорить нечего.

– Идите за мной, господин Катель, – сказал Бертан и направился к лестнице.

К всеобщему удивлению, гость с готовностью повиновался. Ну и дела, то боялся вымолвить лишнее слово, то охотно согласился на исповедь, право слово, чудеса.

Пьер Катель пробыл в келье настоятеля больше часу. Всё это время, Бертан ходил по галерее, терпеливо ожидая конца разговора. Когда ночной гость, наконец, покинул келью, лицо его было спокойным и полным решимости.

– Не знаю вашего имени, юноша, но, хочу поблагодарить вас от всего сердца!

– Меня? – удивлённо вскинул брови Бертан.

– Да, вас, благодаря вашей настойчивости, я смог поговорить со Святым отцом, и теперь, на душе моей не так тяжело. А когда мне удастся покинуть страну, надеюсь, станет совсем легко. Постойте-ка, мне кажется знакомым ваше лицо! Хотя... Нет, пожалуй, мои измученные глаза сыграли со мной злую шутку. Да, да, мне померещилось это сходство. Тот,

о ком я думаю, не мог оказаться в монастыре. Не мог...

Незнакомец поклонился и поспешил вниз.

Гостя устроили на ночлег, тишина окутала обитель. Лишь скрип разохшихся ставней и шорох ветвей, нарушали сонный покой. Бертан сидел с книгой возле ложа настоятеля, готовый, в любую минуту, подать кружку с липовым отваром, или поправить тощую подушку, что бы старику было удобнее. Глаза его слипались, и юноша сам не заметил, как задремал. Тихий шёпот старика заставил его мигом очнуться.

– Мальчик мой, – еле слышно прошелестел старик – Я не могу открыть тебе тайну исповеди, но, мне кажется, что тебе надо покинуть обитель и постараться найти свою родню.

– Родню? Людей, что оставили беззащитного ребёнка одного у монастырских ворот?

– Никогда не осуждай, не зная всей правды, сынок. Возможно, в горе и отчаянии, твоим родным не приходилось выбирать.

– Не знаю, может вы и правы, Святой Отец. – Нахмурился Бертан. – Но все эти годы, мои родные не искали меня, отчего я сейчас начну это занятие?

– Послушай, мой дорогой, ты знаешь, что сил у меня осталось мало, постарайся не спорить, и просто выслушать. А не думаешь, ты, что на свете есть ещё один ребёнок, что, так же как и ты, был оставлен на попечение случайных людей? Маленькая девочка, что доводится тебе родной сестрой.

Бертан с удивлением смотрел на старика, не в силах про-

изнести ни слова.

– Сынок, разыщи бедняжку, вам надо держаться вместе. Поодиночке, вы попадёте в страшную беду, да и сами принесёте ни мало зла людям.

– Ох, господин настоятель... – Глухо пробормотал Бертан. – Не требуйте от меня сейчас ясного ответа. Голова моя словно в тумане, я вовсе не ожидал услышать подобное.

– Конечно, сын мой, я и не гоню тебя в дорогу, пока ты хорошенько не поразмыслишь над моими словами. Но, если станешь искать несчастное создание, запомни, на девочке должен быть такой же деревянный кулон, что и у тебя. Если малютка жива, ей должно быть около пятнадцати лет в эту пору. Но никому, слышишь, никому не говори об этом! И будем надеяться, что девочка попала к добрым людям, что растят её в любви, как родную дочь.

Старик устало прикрыл глаза, видно разговор совсем утомил больного.

– Вам следует поспать, Святой Отец, – заботливо проговорил Бертан. – Мы продолжим беседу в другое время.

– Другого времени у меня не будет, мой мальчик, – через силу улыбнулся старик. – Прошу тебя исполнить ещё одно поручение. Скажи Жослену, что бы взял нашу лошадь с повозкой, и отвёз господина Кателя в гавань. Везти его надо тайно, переодевши монахом. И пусть непременно дождётся, когда несчастный Пьер окажется на судне, идущем в Британию, или Новый Свет. Он добрый и честный человек, ему

необходима наша помощь.

– Я всё сделаю, господин Венсан, могу сам проводить Кателя, со мной он будет в безопасности.

– Нет, нет, сынок, я хочу, что бы ты побыл со мной до последней минуты.

– Конечно, Святой Отец, я не покину обитель, пока вам не станет лучше.

– Мой добрый Бертан, тебе придётся покинуть её очень скоро, завтра на закате, меня не станет.

Юноша не успел ничего возразить, как старик приподнял ладонь, словно прося тишины.

– Не надо слов, мальчик, достаточно знать, что в душе твоей живёт добро и сострадание. Иди с миром, в эту ночь я буду спать спокойно, я знаю, что исполнил свой долг. Я хочу помолиться за тебя и твою сестру.

Бертану ничего не осталось, как смириться с решением Венсана Мареля и постараться исполнить всё в точности. На рассвете, Пьер Катель одевшись монахом, и надвинув капюшон как можно ниже, отправился в путь вместе с Жосленом. К вечеру завтрашнего дня, они должны будут добраться до гавани. Осталось смотреть в оба, да молиться, что бы старая повозка выдержала дорогу.

Наступивший день выдался промозглым и ветреным. Несчастный старик задыхался в своей келье. Ни согретые кирпичи, заботливо уложенные Арманом, к ногам настояте-

ля, ни липовый отвар, ни травы, что жгли монахи возле ложа отца Венсана, никак не облегчали его состояние. Бертан не находил себе места, в тоске он посматривал в узкое окно, на заходящее солнце. Всё случилось в точности, как и предреждал старик, стоило отблескам заката окрасить верхушки деревьев, сердце Венсана Мареля остановилось.

Печаль окутала обитель, горестно вздыхая, монахи принялись читать молитву по усопшему, тихонько перебирая чётки. Бертан выбежал из часовни и пропадал где-то битых два часа. Когда он вернулся, братья заметили, что глаза его блестят от не пролитых слез, а губы упрямо сжаты.

– Братья, Святой Отец перед смертью дал мне поручение, я дождусь Жослена и похорон господина Венсана, а после покину обитель навсегда, – мрачно произнёс он.

– Зачем тебе уходить, Бертан, ты же вырос в нашем монастыре, для нас ты как родной сын! – Воскликнул Арман.

– Да, я чувствовал себя родным в этих старых стенах. И от всего сердца благодарен каждому из вас. Вы стали моей семьёй на долгие годы. Благодаря вам я остался жив и в досталь получил любви и самой искренней заботы. Я всегда буду помнить об этом. Но моя судьба предрешена, я поклялся господину Венсану и обязан выполнить его последнюю волю. Больше мы не станем обсуждать это, мне слишком тяжело и горько.

После этих слов, ничего не осталось братьям, как вздыхать, да сокрушаться, что со смертью настоятеля, на них так

и посыпались неприятные вести.

Безрадостным стало и возвращение Жослена. Понурившись, вошёл он в часовню и долго молился.

– Ну, что, брат Жослен, проводил ты гостя как положено?

– И, да и нет, братья. Сдаётся мне, что несчастный всё-таки был не в себе. Видно Господь совсем лишил его разума.

– Как это, да расскажи толком! – Проворчал Франсуа. – Мы и так расстроены смертью настоятеля, обитель погрузилась в тоску, да ещё ты приехал, что бы мучить нас загадками.

– Да какие уж загадки, братья! Всё ясно, как светлым днём. Мы чудно добрались до места, путь был спокоен, колесо ни разу не соскочило с оси. Я уж было обрадовался, что нас охраняют Святые. В гавани не проходив и часа, нашли торговое судно, что отправлялось напрямиком в Британию, и капитан согласился взять Кателя всего за десять серебряных экю. Наш гость взошёл на борт и помахал мне рукой. Я совсем уж было собрался восвояси, но решил поглазеть, как разгружают лодки у причала. Вдруг услышал, как бедняга Катель кричит. Вся гавань застыла в испуге от его воплей. Он метался на палубе как помешанный. Лицо было бледным, волосы развевались. Несчастный Пьер вдруг ринулся к носу корабля, вскочил на мостик, оттолкнув капитана и, указывая пальцем в толпу зевак, с криком: «Никогда вам меня не поймать. Я ухожу туда, где даже вы бессильны, проклятые!» – бросился в море. Толпа охнула, завизжали женщины, матросы ми-

гом спустили на воду шлюпку. И вот незадача, упали бедный Катель в другом месте, так остался бы жив. А он угодил прямо на огромный камень, что был скрыт водой. Словом, когда моряки вытащили тело, вся голова Пьера была в крови.

Монахи испуганно осенили себя крестом. Вот беда, такая нелепая гибель в шаге от спасения. А может, господин Катель и впрямь увидал на берегу своих преследователей?

– Вряд ли, – покачал головой Жослен. – В толпе стояли такие же зеваки, как и я. Обычные крестьяне, рыбаки и торговцы. Даже господская карета остановилась поглазеть на происшествие. Правда, когда тело Кателя вытащили на берег, знатные господа мигом задёрнули занавесочки и покинули берег. Видно такое зрелище им не по нраву.

– Пожалуй, ты прав, брат Жослен, должно быть несчастный страдал душевной болезнью, прими, Господь, его душу. – Пробормотали монахи.

Выслушав рассказ, Бертан помрачнел ещё больше. Вот беда, значит, поручение господина Венсана так и не исполнили. Но, братья, пожалуй, правы, несчастный Пьер Катель был безумцем. Ведь никто так и не увидал его преследователей, возможно, они были лишь плодом его больного воображения.

На похороны настоятеля, явились крестьяне из близлежащих деревень и баронесса Дагне, в скромной повозке. Старый барон уже не решился покинуть замок, он прислал три кувшина вина и небольшой отрез белого шелка, что так дол-

го берег для свадьбы дочери. Теперь этим шёлком покрыли гроб с телом старика Венсана.

После всех положенных служб и заупокойной мессы, Бертан простился с братьями. Он получил от них крошечный кошель с медяками и добрые напутствия. Юноша покинул обитель с решительным видом и уверенно шагал по дороге, пока его можно было разглядеть с монастырской галереи. Но скрывшись из глаз братьев, Бертан замедлил шаг. Куда же идти? Хорошенькое указание, искать сестру, даже имени которой он не знает. Да бедняжка может выглядеть как угодно, мало ли девочек подростков живёт в деревнях. А если её удочерили горожане, ещё того лучше, крестьянские семьи на виду, а в большом городе, должно быть не знают как звать соседей живущих через улицу. Или чего доброго придётся обойти все сиротские приюты королевства и женские монастыри в придачу.

А не бросить ли это безнадёжное дело? Может несчастной и в живых то нет. Или она живёт припеваючи у славных людей и ей даже не известно, что она не родная их дочь. Бертан пожал плечами и решил направиться, куда глаза глядят, а там видно будет. Может он и впрямь, как мечтал, наймётся на шхуну или богатый корабль и вдоволь попутешествует в дальние страны. Но, мечтами сыт не будешь и вскоре юноша стал подручным мельника Фалло. Отчего не взять на работу славного парня? Силой его Господь не обидел, шутя, поднимает доверху набитые мешки. При этом не ленив,

и в лишние разговоры не вступает. Даже по воскресеньям не ходит на вечеринку, что устраивает молодёжь в деревне. Молоденькие девушки так и крутятся возле мельницы, выдумывая любой предлог, лишь бы поглазеть на красивого парня. А он, лишь молчаливо улыбнётся и вновь принимается за работу. Вот что значит расти за стенами монастыря. Эх, досадно только, что после смерти досточтимого настоятеля обитель пришла в упадок. Монахи разбрелись кто куда. Старики, Мишель и Марсель остались доживать свой век в богадельне. Жослен и вовсе отправился в гавань, решив заняться рыбачьим промыслом. Арман, Франсуа и Готран прислуживают в городской церкви Святого Бенедикта.

Стены обители местами совсем обрушились, ставни сгнили и валялись под узкими окнами, покрываясь тёмным бархатом мха. Видно, старый Венсан Марель был душой монастыря. С его уходом, ничего не смогло остановить разорение и тлен.

Никто не появлялся возле заброшенного монастыря. Но однажды, на исходе дня, возле него остановился богатый экипаж. Лакей открыл дверцу и подал руку разряженному, словно на бал господину. Перевязь его была щедро расшита золотой нитью, ренгравы⁸ слишком длинные и пышные. Небольшого роста, с пухлыми ручками и капризным безвольным ртом, господин подошёл к завалившейся ограде

⁸ часть мужского костюма, брюки, короткие и очень широкие, как юбка

обители.

– Ну вот, что я говорил. Здесь ни одной живой души! Чего ради, вы тащили меня по плохой дороге битых три часа?

– Тебе придётся войти внутрь и хорошенько осмотреть каждую келью. – Послышался из глубины кареты глухой низкий голос.

– Воображаете, что мальчишка сидит там и ждёт нашего появления? Не стану я шнырять по развалинам, словно крыса в поисках еды. Хотите, так осматривайте всё сами. Я не желаю пачкать или рвать свою одежду.

– Пойдёшь, как миленький, Эмиль. Ты знаешь, что я не могу заходить в монастырь, даже заброшенный. А тебе поможет твоя неуёмная жадность. Госпожа герцогиня обещала щедрую плату. Гораздо более щедрую, чем ты заслуживаешь.

– Нечего попрекать меня, во всем виноват отец, что оставил мне слишком мало денег. Не могу же я отказать себе в еде и нарядах? Я родился в знатной семье и привык жить в роскоши.

– Это видно, – прозвучал хриплый смешок из кареты. – Успел пустить по ветру наследство за считанное время. Хватит болтать. Иди, иначе я доложу госпоже герцогине, и она найдёт более ловкого помощника.

Эмиль скривился и нехотя вошёл в открытые настежь ворота. Он брезгливо отряхивал кружева манжет, стоило ему только прикоснуться к стене, или дверному косяку. Экая на-

пасть! Не думал, что придётся, потрудиться, что бы получить богатство. Молодой граф Эмиль Дюран Леруа привык, что деньги падают с неба, как по волшебству.

Он прижал к лицу надушенный батистовый платочек и тростью открывал разошедшиеся дверцы шкафчиков, ворошил солому на узких лежанках. Наконец, он добрался до кельи покойного настоятеля. Вот ещё дело, дураку ясно, что это вовсе бесполезные поиски. Теперь затхлый запах нищего жилища пропитает его чудесный камзол из шитой золотом парчи. Граф собрался уже покинуть унылое место, но тут, взгляд его упал на крошечный сундучок, что едва виднелся из-под скромного ложа.

– Хм, а может я не зря наведался в проклятое место! – Громко воскликнул Эмиль. – Вдруг в сундуке припрятаны деньги или драгоценности. Монахи ведь глупцы и разини, запросто могли позабыть о тайнике. Или совесть не позволяет им копаться в чужих вещах.

И граф, мигом позабыл о пыли, что лежала вокруг толстым слоем. Он опустился на колени и открыл ларец. К его разочарованию, ни золота, ни драгоценностей там не было. Аккуратно завёрнутый в кусок холста, на дне лежал детский костюмчик из бархата и накидка подбитая мехом. Рядом так же бережно обёрнутые холстиной, маленькие стоптанные башмаки с серебряными пряжками.

Пожалуй, ему всё-таки повезло. Надежда на богатство вновь сверкнула перед жадными глазками графа. Он побро-

сал находки обратно в сундучок и поспешил прочь.

– Вот! Можете убедиться сами, что помощник я замечательный, вам не найти лучше. Госпожа герцогиня непременно обрадуется, получив эти вещи в доказательство!

– Ах ты, тупой осел! – Хрипло прорычал, сидящий в карете. – Ты бы ещё приволок распятие и сунул мне под нос! Немедленно выкинь сундук подальше. Мне ненавистна даже щепка от монастырской скамьи, или камень с его стен.

– О, я вовсе позабыл об этом. – Пробормотал Эмиль. – Вот, глядите, я нашёл детскую одежду и башмаки, правда, они изрядно потрёпаны, но серебряные пряжки прекрасно сохранились.

– Чудесно, значит, мы не ошиблись и мальчишку действительно прятали здесь. Отлично, будем считать, что напали на след хотя бы одного из детей. Экая досада, что ты разиня упустил Пьера Кателя, ведь он был почти у нас в руках, и госпожа герцогиня сумела бы развязать ему язык.

– Но кто мог ожидать, что этот недоумок прыгнет в воду? Хотя, моей вины в этом нет, он узнал вашу карету. Могли бы приехать в повозке поскромнее.

– Скажи ещё, что я мог бы прийти пешком, среди бела дня. Ладно, заверни одежду в холст и передай кучеру. Я не желаю ехать вместе с узелком пропитанным запахом ладана.

Эмиль Дюран Леруа, расправил свои кружевные манжеты и протёр нарядные башмаки батистовым платком. Отбро-

сив его в пожухлую траву без всякого сожаления, он неловко влез в экипаж. Рука в чёрной перчатке задёрнула занавески, и карета умчалась прочь.

Рене

Четырнадцать лет назад, в день появления Бертана у ворот обители Святого Франциска, по дороге, что находилась в четырёх льё⁹ на север, проезжала крестьянская повозка. Из города возвращался Гастон Шайо со своей женой Мартой. День клонился к закату, монотонное шуршание листы и мерная поступь лошади навевали дремоту. Супруги уже успели поругаться и сидели, насупившись, не глядя друг на друга. Вдруг Марте показалось, что в траве, поодаль от дороги, что-то блестит.

– Эй, придержи-ка лошадь, – сварливо обратилась она к мужу. – Там точно лежит вещь, похожая на шёлковый лоскут, торчащий из корзины.

– Отстань со своей ерундой, Марта! Откуда здесь взяться шёлку? Думаешь, проезжала карета знатных сеньоров и они обронили платок?

– А тебе почём знать, разиня! Может и обронили, у богатых всего много, станут они считать потери.

– Вечно ты ищешь повод для ссоры, жена. Хочешь убедиться, что там полная корзина атласных тряпок, пожалуйста. Иди, забери их себе. Вокруг ни души, стало быть, всё достанется тебе одной! Иначе будешь пилить меня до самого

⁹ Французская мера длины, равная 4,5 км

дома. – Едко произнёс Гастон.

Марта поджала губы и решительно полезла вон из повозки. Если муж глуп как деревяшка, ничего не поделаешь. Она не намерена упускать богатство, что само плывёт в руки. Но подойдя ближе, женщина вскрикнула и испугано попятилась. Гастон решил, что жену ужалила змея и, схватив трость, бросился на помощь. Каково же было его удивление, когда подбежав к Марте, он увидел корзину выстланную тканью. Теперь крестьянин понял, от чего жена его так испугалась. В корзине лежал ребёнок

– Как думаешь, Марта, жив ли бедный ангелочек? – Промшептал Гастон.

– Откуда мне знать, – ядовито прошипела жена. – Пожалуй, лучше убраться отсюда подобру-поздорову Жаль только оставлять корзину, полную дорогой ткани и кружев.

– Да ты в своём уме? – Воскликнул возмущённый крестьянин. – У дороги лежит невинное дитя, а ты думаешь о кружевах.

Малышка, разбуженная их ссорой, открыла глаза и, оглядевшись вокруг, громко заплакала.

– Ох, Святые покровители! Она жива! – Обрадовался Гастон. – Бедняжка, как же ты здесь оказалась?

– Сейчас, годовалая девчонка доложит тебе свою родословную, пробурчала Марта. – Жива и хорошо, совесть наша будет чиста, что не пришлось обогреть покойника. Заберём подушечку, одеяльце и кружевной чепчик.

– Я знал, что ты жадна сверх всякой меры, а ты ещё и бессердечна, словно камень! Забрать вещи малютки и оставить её на ночь глядя у лесной дороги.

– С чего это ты назвал меня бессердечной? Я могу оставить девчонке старую шаль. Она уж будет потеплее шёлка.

– Будь проклят день, когда я посватался к такой ведьме! – В сердцах выкрикнул Гастон. Он осторожно взял малышку на руки и прикрыл полый своего плаща. Девочка прижалась к нему и затихла.

– Куда ты собрался её девать? Надеюсь, не оставишь у нас? – Сварливо спросила Марта. – У нас есть двое родных детей, и приёмьши нам ни к чему!

– Замолчи! Пока я хозяин и сам решу, кого брать в дом. – Сердито ответил муж и направился к повозке.

Марта, красная от злости, подхватила корзину и засемила за мужем, а то, чего доброго, совсем разозлиться да и уедет один. А ей придётся добираться домой пешком.

Оставшийся путь, супруги вновь дулись друг на друга. Гастон улыбался, поглядывая на малышку. А его жена дарила ласковую улыбку атласной подушке, обшитой кружевом. Пожалуй, за неё можно выручить хорошие деньги, или оставить себе, вызывая зависть соседок. В крестьянских домах таких вещей не встречалось.

Как Марта ни спорила с мужем, Гастон всё же настоял на своем. Раз девочка попала на дороге именно их семье, знать то промысел Божий. Сам, господин Шайо, человек бо-

гобоязненный и не станет совершать поступков, о которых надо жалеть всю жизнь. Да и местный священник его одобрил. Разве Господь не учит нас совершать добрые дела и заботиться о сиротах?

Соседи наперебой расхваливали Гастона, и крестьянке ничего не осталось, как выходя на люди, кисло улыбаться, взяв приёмыша на руки.

Марта с сожалением увидела, что на девчонке вовсе нет украшений. Экая досада! Хотя бы золотую цепочку надели, или кулончик с изумрудом. Хотя, если люди задумали избавиться от ребёнка, станут они оставлять ему драгоценности. Из украшений, лишь странный амулет из дерева. То-то завидная вещь. И что творилось в головах родни, когда одетому в шёлк и кружево ребёнку, повесили на шею деревяшку?

В день всех Святых, девочку крестили, заплатив кюре целых, пять экю, к большой досаде Марты. Малышка получила имя Рене и оловянный крестик.

– Добро пожаловать в семью, маленькая Шайо, – ласково пробормотал Гастон.

Его жена лишь поджала губы. И зачем муж навязал им подкидыша? У них есть двое детей. Семилетняя Ортанс и пятилетний Флоримон. Когда родители помрут, доля наследства родных детей уменьшится из-за приبلудной девчонки! Если бы чета Шайо владела замком и большими угодьями, акрами леса и сундуками золота, можно было делить наследство хоть на десятерых. А теперь?

Вот и вышло, что радость, малышка Рене вызывала только у Гастона. И Марта и дети, едва терпели её присутствие. Когда она начала самостоятельно топтать по дому, чудо, что с ней не приключалось никакой беды. Присмотра за девочкой никогда не было. Марта ссылалась на дела по хозяйству, дети под любым предлогом сбегали, предоставив малышке самой выпутываться из приключений, или не попадать в них. Рене набивала шишки и синяки, защемляла пальцы, разбивала колени. Скотившись, очередной раз с лестницы, девочка лишь морщилась, потирая ушибленное место, что толку плакать, если никто не пожалеет.

Родные дети Гастона, характером пошли в мать. Они были сварливы, жадны и завистливы. При том, ленивы, словно маленькие господа. Органс и Флоримон вечно отлынивали от работы. Если старшую дочку отправляли с кувшином молока в поле к отцу, оно успевало скиснуть по дороге. А если брату поручали принести хвороста, можно было замёрзнуть возле очага в долгом ожидании.

Но мать никогда не ругала своих детей, брань и окрики щедро сыпались на голову Рене. Бедняжке оставалось молча сносить незаслуженные обиды и дожидаться вечера. Доброе слова она могла услышать только от отца. Гастон брал малышку на руки и напевал забавную песню про Жана – дровосека, что отправился в лес, да позабыл топор. Девочка так и засыпала у отца на коленях.

– Вечно ты таскаешься с этой паршивой девчонкой! –

Сварливо бурчала Марта. – Словно она особа королевской крови. Нам приходится кормить лишний рот, вот и вся радость от её появления. Умные люди, хотя бы получают деньги за приёмышей.

– Да перестань ты зудеть, словно осенняя муха! У кого я, по-твоему, должен попросить денег за малышку? Уж, наверное, порядочные люди не бросили бы девочку в лесу.

– Конечно, не бросили, значит, её родня проходимцы и жулики. А может, они убийцы, что скрываются от правосудия. Хороши мы будем, укрывая в доме дитя разбойников!

– Да замолчишь ты сегодня? Весь день я надрываюсь на работе, а дома слушаю твои нескончаемые бредни!

– Можешь не слушать, только потом поздно будет каяться. Если девчонка уродилась в свою разбойничью родню, то, наверняка, прирежет нас ночью, когда подрастёт

Гастон в сердцах сплёвывал приставший к губам табак, и, уложив Рене на узкую лежанку, отправлялся спать. Да уж, повезло несчастному подкидышу попасть в эдакую семейку. За пять лет ни одного дня и часа в ней не царили лад и покой.

В один из осенних дней, Гастон вернулся с поля позже обычного. Рене успела получить увесистого шлепка от матери, за то что, то и дело выбегала на дорогу посмотреть, не идёт ли отец. Нашла забаву, вместо того что бы помешивать суп.

Гастон вошёл в дом, покачиваясь, и тяжело опустился на лавку. Лицо его было бледным, а волосы взмокли от пота

и прилипли к вискам.

– Не хватил ли ты лишнего в трактире, муженёк? – Едко спросила Марта.

– Одно служит мне утешением, – прошептал Гастон. – Когда я помру, хотя бы избавлюсь от твоих вечных придирок.

– Ох, с чего это ты собрался помирать? С утра был здоров как бык, а к вечеру вдруг захворал.

– Рене, дочка, сбегай скорее к знахарке Мадлен, видно кроме тебя в этом доме не от кого ждать помощи. – Слабо пробормотал Гастон.

Девочка стремглав бросилась за дверь. А Марта удивлённо уставилась на мужа. Неужто и впрямь дело плохо?

Да куда уж хуже. Беднягу Гастона ужалила змея. Проклятая видно притаилась в куче соломы и в сумерках, крестьянин её не заметил. Ему становилось всё хуже и хуже и к приходу знахарки, он вовсе не мог пошевелиться. Нога его распухла и покраснела. Холщовый лоскут, смоченный водой, миглом высыхал на его голове. Видно у несчастного был сильный жар.

Ортанс и Флоримон стояли, открыв рот, да бестолково тарасились на отца.

Что только не делала знахарка Мадлен. И жгла над изголовьем больного травы, что бы отогнать змеиный дух. И прикладывала к ноге нож, что бы «разрезать боль», и шептала заговор от яда. Гастон лишь стонал, а опухоль на ноге не уменьшалась.

– Лучше вам позвать священника, – пробормотала старуха Мадлен. – Видно час бедняги Шайо пробил и никто не сможет ему помочь.

Рене заливаясь слезами, со всех ног бросилась вон. Но пробежав половину дороги, свернула совсем в другую сторону от церкви. Не прошло и четверти часа, как девочка отчаянно заколотила в дверь господина лекаря.

Ах, с каким удовольствием, Марта наградила бы непослушную девчонку славным подзатыльником! Паршивка привела лекаря Бурже. Несчастному мужу всё равно не помочь, а господину Бурже придётся платить за визит.

Лекарь хмуро осмотрел больного и сердито пробормотал: – Вот бестолковые! Отчего вы сразу не позвали меня? Беднягу можно было попытаться спасти. Теперь вам и впрямь осталось звать священника!

К несчастью, лекарь оказался прав. Не прошло и часа, как Гастон отдал Богу душу. Дом немедля заполнили соседки, надо приготовить бедного господина Шайо в последний путь. Ортанс и Флоримон громко завывали, завистливо поглядывая, как мать достаёт из сундука припрятанные монетки для лекаря.

Лишь бедняжка Рене, забившись в чулан со старыми корзинами, заливалась горячими слезами от жалости к отцу.

Не прошло и двух месяцев со дня похорон, как Марта решила избавиться от навязанной приёмной дочери раз и навсегда. Дождавшись, когда девочка отправится пасти гусей,

мать зазвала в кухню старших детей.

– Ортанс, Флоримон, некому теперь позаботиться о нас, бедных сиротках. Мы должны беречь каждый кусок. Негоже нам тратиться на приёмьша. Девчонка больше съест, чем наработает. Вот что, я дам вам семь экую.

При этих словах, глаза сына и дочери блеснули жадностью. Марта заметила это и, нахмутив брови, покачала головой.

– Деньги вовсе не для вас, сделаете дело, получите по одной монетке. Завтра на рассвете, возьмёте нашу повозку и отвезёте Рене в город. Я сама не могу отлучиться из дому. В городе отыщите монастырь Святой Урсулы, пойдите к настоятельнице и упросите принять девчонку. Отдайте деньги и посулите, что за неё исправно станут платить каждые полгода. Так мы, наконец, избавимся от лишнего рта.

– Как думаешь, сестрица, – спросил Флоримон, запрягая лошадь. – Не слишком ли жирно каждые полгода платить за подкидыша?

– Ну и дурак же ты, братец! – Усмехнулась Ортанс. – С чего ты взял, что мать расстанется с деньгами из-за никчёмной девчонки? Главное сплавить её. А после, монахини пусть ждут своей платы, хоть сто лет.

– Ну и умора! Тогда, пожалуй, крысёнка Рене вытолкают в зашей прямо на улицу.

– А хоть и так, кто станет убиваться о подкидыше?

Вот удивилась Рене, когда старшая сестра ласково позва-

ла её прокатиться в город. Неужто после смерти отца, ей перепадёт не только брань, но и доброе слово? Вот радость, прокатиться до города и поглазеть на ярмарку. Говорят, там устраивают настоящие представления.

Девочку разбудили так рано, что мерное покачивание повозки мигом её сморило. Ортанс посмотрела на уснувшую Рене, и зашептала Флоримону в самое ухо:

– Послушай, братец, жаль расставаться с деньгами из-за этого жалкого мышонка. Нам и самим найдётся, куда потратить монеты.

– Так то оно так, но настоятельница потребует платы.

– Ну и глуп же ты, Флоримон. Да мы не станем тащить в монастырь девочку. Положись на меня, я сумею и от помехи избавиться и денежки приберечь.

Повозка проехала одну деревню, затем другую, и когда до города оставалось миновать лишь перелесок, Флоримон остановил лошадь. Ортанс растолкала девочку.

– Рене, сестричка, ось колеса соскочила. Пока наш братец занят починкой, не хочешь ли размяться и собрать немного каштанов? Давай, милая, ты же любишь жареные каштаны.

– А корзина? Мы же не взяли корзинку?

– Ах, какие пустяки, собирай их в свой фартук. Пойдём, вон там неподалёку славная каштановая роща.

Ортанс уводила девочку дальше и дальше от дороги пока повозка не скрылась из глаз.

– Нет, эти слишком мелкие, – говорила она. – Поищи луч-

ше у того дерева.

Рене старательно собирала каштаны, и вскоре фартук наполнился до отказа, девочка с трудом придерживала эдакую тяжесть.

– Ортанс, помоги мне, пожалуйста, тесёмки фартука лопнут и весь мой труд пропадёт даром, – крикнула она.

Но ей никто не ответил. Старшая сестра, что давно уже скрылась за деревьями, со всех ног мчалась к повозке. Поджидавший её Флоримон, хлестнул лошадь, и седоки помчались в город, оставив за собой, лишь облако пыли.

Рене беспомощно озиралась. Вот беда, наверное, она ушла слишком далеко и заблудилась. Должно быть, брат и сестра давно её ищут. Девочка кружила между деревьев и вскоре окончательно запуталась. Тяжёлый фартук мешал идти, а бросить каштаны жалко. И Рене согнувшись, пробиралась по лесной тропинке, и во весь голос звала сестру и брата. Бедняжка совсем выбилась из сил и наконец, решила бросить свою ношу. Теперь, налегке, она пыталась бежать, как ей казалось, в сторону дороги, но на самом деле кружила на одном месте.

А Ортанс и Флоримон чудесно добрались до города и мигом спустили все деньги на лакомства и развлечения. На обратном пути, эта славная парочка нарочно сделала крюк, что бы ненароком не попасть на глаза оставленному в перелеске ребёнку

Бедняжка Рене, совсем осипшая от крика, вышла на до-

рогу уже в сумерках. Личико её опухло от слёз, девочка дрожала от холода. Она уже не пыталась найти брата и сестру и бесцельно брела вдоль дороги, кутаясь в жалкий платок. Пожалуй, ночь скоро раскинет над ней свои крылья и останется лечь, да помереть в ближайшем овраге.

Рене свернула с дороги, и тут же кубарем покатилась в канаву, споткнувшись о придорожный камень. Но вместо колючих веток, девочка свалилась на что-то мягкое и тёплое.

– Эй, кого это носит ночью по дорогам? Неужто с неба свалился мешок полный золотых луидоров? Послышался хриплый женский голос.

Рене с испугу не могла и рта раскрыть. Груда тряпья, на которую она скатилась, вдруг зашевелилась и чья-то рука схватила её за плечо.

– Ого, девчонка! Что же ты шатаешься по ночной дороге, одна одинёшенька?

Взошедшая луна осветила канаву скудным светом и Рене увидела толстую женщину, в неряшливой одежде и рваном чепце. Малышка вновь захлюпала носом, и от радости, что за весь день встретила хотя бы одного человека, выложила незнакомке всю свою коротенькую историю.

Толстуха вздохнула и прикрыла Рене полой своей накидки.

– Вот, бедняжка! Ты так меня растрогала, что пожалуй, придётся сделать пару глотков винца. – С этими словами, незнакомка выудила из кучи грязных тряпок бутылку. – А ты

пожалуй, с голоду помираешь? На, возьми, у меня осталась горбушка хлеба и яблоко.

Рене, у которой с утра маковой росинки во рту не было, мигом расправилась с угощением. Женщина вновь сделала щедрый глоток из бутылки, и запах сидра защекотал нос.

– Отец всегда говорил, что вино можно пить только в праздник, – робко пробормотала девочка.

– А сегодня и есть праздник, – захохотала женщина. – Нынче день дурачков, которых выставили из дому. И не смотри на меня с таким удивлением, глупышка. Каждому понятно, что родня избавилась от лишнего рта. Сколько же тебе лет, маленькая простофиля?

– На день всех Святых исполнится семь, мадам.

– О, в твои годы, я соображала быстрее Как тебя зовут, малышка?

– Рене Шайо, мадам.

– А меня можешь называть тётушка Фанни. Вообще, меня назвали Фантиной, а злые языки кличут Мадам Попрошайкой, ну Господь их накажет за лишнюю болтливость. Ладно, пойдём, постараемся найти ночлег. И радуйся, что повстречала меня, уж со мной то не пропадёшь.

Фантина и впрямь уверенно двинулась по ночной дороге и вскоре путники набрали на скромное крестьянское жильё. Мадам Попрошайка попросилась переночевать в хлеву и хозяева из сострадания к девочке, что дрожала от холода, согласились их приютить.

Уже сквозь дрёму, уставшая Рене услышала голос Фантины:

– Тебя видно Господь послал, малышка. Люди охотно пожалеют девчонку с хорошеньким личиком. Не станешь развешивать уши, так заживёшь припеваючи, безо всякого труда. Должно быть, ни единожды будешь благодарить свою тётушку Фанни, что научила тебя уму разуму.

Вот так, Рене и стала жить у Мадам Попрошайки и ничуть не жалела о том, что семейка Шайо так подло выкинула её из дому. Фантина оказалась права, люди охотно давали милостыню миленькой девочке, с красивыми серыми глазами. Рене нравилось, что никто больше не кричал на неё и не взваливал тяжёлую работу. Да к тому же, гораздо интереснее ходить по разным местам, чем кружить между домом, дровяным сараем и амбаром.

Конечно, не всегда дни были удачными, иной раз приходилось делить пополам жалкую лепёшку Зато в иные деньки, они обедались сладостями. Как только в деревне или городке, эта парочка задерживалась надолго, и горожане становились не столь щедрыми, Фантина и Рене перебирались в другое место. Жаль только, что Мадам Попрошайка, иногда любила хватить лишнего, тогда им приходиться ночевать чуть ли не под открытым небом. Не могла же Рене тащить на себе грузную тётушку Фанни.

Самое славное время наступало в пору ярмарок и базаров. Вот где, попрошайкам и воришкам всех мастей было раздо-

лье. Правда по началу, девочка никак не решалась стащить с лотка приглянувшуюся мелочь, или еду. Но Мадам Попрошайка лишь посмеялась над её сомнениями:

– Ну и простофиля же ты! Пусть платит тот, у кого есть деньги. Будь ты дочкой знатных господ с кошельком полным монет, другое дело. А раз у тебя и кошелька отродясь не водилось, так бери даром. Да смотри в оба, что бы не попасться. Иначе получишь тумачков, или угодишь в тюрьму.

– А вы бывали в тюрьме, тётушка? – Испуганно спросила Рене.

– Пришлось, когда была помоложе и поглупее. Отвратительное местечко, надо сказать. Не желаю я очутиться там вновь.

Девочка не стала расспрашивать подробности. Уж если тётка сказала, что это отвратительное место, стало быть, и спорить нечего. И Рене отчаянно трусила, каждый раз, когда рука её тянулась за румяным яблоком, или атласной ленточкой.

Когда девочка подросла, просить подаяние стало труднее. Раньше, достаточно было заунывным писклявым голоском попросить хлеба, как жалость к маленькой сиротке охватывала каждого проходящего. А теперь, добродетельные крестьяне и горожане, лишь сурово качали головой: «Экий позор. Девчонка двенадцати лет вполне может заработать себе на хлеб, а не попрошайничать у дороги. Пусть наймётся помощницей к прачкам, или пасти свиней. Да мало ли работы

найдётся для порядочного человека».

– Тётя, – как то сказала Рене. – А что если, мне и впрямь наняться в работницы? Думаю, платы хватило бы на нас обеих.

– Ты что, перепутала воду и вино, когда пила из кувшина, девочка? Иди, иди, наймись в прачки, или работницы. И полдня не пройдёт, как ты сбежишь. Охота тебе стоять по колено в холодной воде и колотить деревянным вальком господское белье? Или по нраву придётся гоняться день – деньской за свиньями, что вечно разбегаются кто куда. Будешь надрываться целый месяц за пять жалких медяков и крошечный отрез грубого полотна. Да в придачу три монетки из пяти потратишь на новые сабо, ведь старые ты собьёшь на работе. Хозяева будут погонять тебя руганью, или отвешивать оплеухи за нерадивость. Уж поверь мне, глупая девчонка, если бы работа была так хороша, а плата щедрой, неужто я не нанялась бы в работницы?

Рене поразмыслила и решила, что тётушка, пожалуй, права. Уж бить баклуши целыми днями, куда веселее И вновь парочка начинала свой нескончаемый путь по дорогам.

Мадам Попрошайка была мастерица выдумывать трюки по части добывания денег. Как-то проходя через очередной городок, Фанни умудрилась стащить нарядное платье, вывешенное для просушки. В другом месте ей в руки попался чепец обшитый кружевом и чудесная накидка из тонкой шерстяной ткани.

– Вот, примерь, Рене. Готова поклясться, что в этом наряде сойдёшь за господскую дочку.

Пришлось девочке тщательно умыться и как следует расчесать свои длинные каштановые волосы, что блестели на солнце и закручивались крупными кольцами. Как только она нарядилась, Фанни всплеснула руками от радости.

– Ну, что я говорила! Кто поверит, что ты маленькая попрошайка? Ни дать ни взять, господское дитя. Эх, Рене, моя красавица, теперь, пожалуй, наймём повозку, да поселимся в лучшей комнате трактира.

Нарядная девочка часами прогуливалась вдоль торговых ярмарочных рядов, но потом, замерев на месте, начинала беспомощно озираться.

– Помогите! – Кричала Рене. – На помощь, вору украли мой кошелёк!

– Эй, что случилось?

– Да вот, кто-то обчистил бедняжку.

– Ах, незадача! Не надо было ребёнку из знатной семьи гулять без провожатых.

– Верно, надо было хоть нянюшку с ней отправить. Вот проклятые воришки!

Рене продолжала вопить на всю ярмарочную площадь и вдобавок заливаться фальшивыми слезами. Толпа сочувствовала, окружив бедняжку плотным кольцом. В это время, тётушка Фанни совала в свой мешок, всё, что попадалось под руку.

И только когда раздавался крик какого-нибудь торговца:

– Братцы! У меня украли товар! Не иначе здесь целая шайка орудует!

– Точно! Сначала обокрали девочку, а теперь и нас!

Люди кидались проверять свои кошельки и товары, а Рене и Мадам Попрошайка исчезали, смешавшись с толпой.

Так продолжалось больше года, но однажды, старый крестьянин, закричал, указывая на Рене пальцем:

– Эй, люди! Я уже видел эту пройдоху девчонку! Стоит ей появиться, как товары исчезают, словно по волшебству. Ишь выдаёт себя за господскую дочку. Да где вы видали господ в деревянных сабо?

Счастье, что торговцы опомнились не сразу. Ну и натерпелись же страху Мадам Попрошайка и Рене, пока со всех ног удирали из города. Когда беглянки, наконец, решились остановиться в роще, подальше от опасного места, то битый час не могли отдышаться.

– Ну и дела, – пробормотала Фанни, – пожалуй, надо поблагодарить Святую Урсулу, что выбрались без потерь.

– Вот беда, тётя, что же теперь делать? Должно быть, слава о нас разнеслась по всей провинции. Эдак нам скоро и носу не высунуть из лесу. Не станем же мы жить в норе и грызть жёлуди

– Ха, как бы ни так, красавица! Придумаем кое-что получше. Мы хорошенько припрячем твою нарядную одежду, она нам ещё послужит. Осталось запастись терпением, да на рас-

свете отправиться в путь.

– В какую сторону, тётя Фанни, нас везде узнают.

– Не будь дурочкой, Рене. Мы отправимся туда, где легче всего затеряться, в Париж! Поверь мне, для таких пройдох как мы там суший рай.

– В Париж! Ах, тётя, там живёт король! И мы увидим короля!

– Да оставь ты, глупые бредни, девочка. У короля своя жизнь, у нас своя. Давай-ка лучше поищем ночлега, пусть предстоит не близкий и двинуться надо на рассвете.

Дорога заняла больше времени, чем рассчитывала Мадам Попрошайка. Пришлось продать нарядное платье Рене, затем чепчик и накидку. Наступившие зимние морозы заставили сделать долгую остановку.

Рене с Мадам Попрошайкой, напросились на ночлег к зажиточному крестьянину. Вдовцу Паскалю было тяжело управлять с хозяйством и двумя маленькими ребятишками, и он предложил работу в обмен на кров и еду. Поразмыслив, путешественницы решили согласиться. До Парижа путь не близкий, а зимняя дорога слишком тяжела.

Но, если Рене хотя бы немного помнила, как справляться с домашними делами, то Фантина была вовсе никудышной работницей. Гуси разбежались по всему двору, потому что она забывала прикрыть дверцу. Если она принималась за стирку, то понапрасну расходовала воду и золу, а белье так и оставалось грязным. Сор она мела только посреди ком-

наты. Ребятишки часто оставались голодны, они не желали есть недоваренный суп или подгоревший пирог.

К тому же, Фанни была отчаянной лентяйкой и вечно отлынивала от работы, изводя всех жалобами на хвори и болезни. Терпение бедняги Паскаля кончилось, и он выставил нерадивых работниц, не дожидаясь весны. Пришлось брести по дорогам, утопая в снегу и дрожа от холода. Всё что можно продать, они давно продали и проели вырученные деньги.

Когда Фанни с девочкой добрались до окраины Парижа, обе походили на настоящие чучела, что отпугивают ворон в поле.

– Не беда, девочка, что одежда наша изрядно потрёпана. Увидишь, как славно мы устроимся, и денежки потекут рекой. – Уверенно заявляла Мадам Попрошайка.

Фантина ловко шныряла в грязных и подозрительных проулках, точно бездомная кошка, что прекрасно знает, где можно пожить. Остановившись у забрызганной грязью дверцы, в самом конце узкой улочки, Мадам Попрошайка постучала три раза. Жалкая дверь приоткрылась и скрипучий голос спросил:

– Кого это принесло, на ночь глядя?

– Баронессу «Хватай-Что-Плохо-Лежит», любопытный нос. – Пробормотала Фантина.

– Кто с тобой?

– Молодая герцогиня «Держи-Карман-Шире»

– Никак Мадам Попрошайка? Фантина! Мы думали, что

увидим тебя только на виселице.

– Скорее там окажутся те, кто желает этой участи другим. – Язвительно ответила Фанни.

Наконец дверь открылась и в слабом пламени свечного огарка, Рене увидела старика в грязной замусоленной шляпе. Он с любопытством оглядел девочку и пошёл, вперёд освещая дорогу жалким огарком. Даже в скудном свете, видно было как грязно и убого в жилище. Гнилые и закопчённые балки нависшего потолка, того и гляди рухнут. Стены покрыты паутиной и пропитаны затхлой сыростью подzemелья. В нос ударяет вонь прокисшего супа, прогорклого сала и старых тряпок.

– Ну и местечко, тётя, ни дать ни взять, королевские палаты. Уж лучше ночевать в стогу сена, там хотя бы не воняет. – Скривилась Рене.

– Эй, Фанни, ты, должно быть, сманила господскую дочку из знатной семьи. – Хихикнул старик. Она видно привыкла спать на батистовых простынях.

– Отстань, Жак, нам надо найти ночлег на несколько дней. Потом мы устроимся в другом месте.

Рене и Фантина расположились в маленькой комнатёнке под лестницей. На полу вместо кроватей лежали два тюфяка, набитые соломой и возле двери стоял колченогий стул. На этом убранство комнаты заканчивалось. Старик поставил огарок свечи на стул и зашептался о чём-то с Мадам Попрошайкой. Та нахмурилась и в ладонь старика легли три мо-

нетки.

– Спокойной ночи, госпожа принцесса, – хмыкнул старик. – Надеюсь, горничные хорошенько взобьют пуховые подушки для вас и вашей славной тётушки

Рене показала в спину уходящему старику язык.

– Кто этот человек, тётя?

– А, это Жак Герен, по прозвищу «Фокусник». В молодости, он был самым удачливым и ловким воришкой. Его пальцы были гибкими, словно у музыканта. Он срезал кошельки одним махом, никто и заметить не мог, как ему это удаётся. Однажды он даже смог снять ожерелье с изумрудами у знатной дамы, что засмотрелась на уличную потасовку. Представь, девочка, бедняжка хватилась потери, когда Жака и след простыл. Но однажды полицейские выследили его и «Фокусник» был приговорён к каторжным работам. Ему удалось сбежать, но прыгая с моста, он сломал руку. С тех пор пальцы потеряли ловкость. Теперь он даёт укрытие тем, кто в этом нуждается, да прячет краденые вещи. Старик отчаянный пройдоха и всегда знает, где схватить кусок пожирнее

– Так вы знали его раньше, тётя Фанни и, стало быть, тоже жили в Париже?

– Ну и растяпа ты, Рене, – захохотала Мадам Попрошайка. – Конечно знала, я родилась здесь, неподалёку в квартале бедняков. Однако мне, как и Жаку пришлось нос к носу столкнуться с полицией. Вот я решила убраться подальше.

Надеюсь, что за столько лет, обо мне успели позабыть. Ну ладно, давай-ка спать. Свеча давно погасла, а завтра предстоит работёнка.

Рене долго ворочалась на колючей подстилке и уже сквозь дрему услышала голос Фанни.

– Не расстраивайся, дорогуша, если дело пойдёт, наймём чистую комнату и заживём словно господу.

Вскоре для Рене вновь раздобыли нарядную одежду, из тех вещей, что приносят на хранение к старику Жаку, и Мадам Попрошайка с девочкой вновь занялись привычным делом. Фанни оказалась права, в огромном Париже действительно было раздолье для жуликов и воришек всех мастей. Кто-то прикидывался калекой и просил подаяние, кто-то морочил горожанам головы «чудо настойками» от всех хворей. Отчаянные головорезы обирали припозднившихся прохожих.

В начале лета, Мадам Попрошайка с девочкой, перебрались в тихий квартал, где селились цветочницы и белошвейки. Вечерами, Рене с тётушкой возвращались домой, тщательно припрятав «добычу» в корзинку накрытую холстом. И поджав губы, изображали порядочных горожанок, вернувшихся с прогулки.

Но в один прекрасный день, к ним на улице подбежал чумазый мальчишка.

– Эй, не ты ли Фанни, по прозвищу Мадам Попрошайка?

– А тебе что за дело, негодник? – Возмущённо спросила

Фантина.

– Кое-кто просил передать, что честные люди должны платить за свой труд, иначе с ними может случиться неприятность.

– Кто тебя прислал, наглец ты эдакий? – Прошипела Фанни.

– Король. – Захохотал мальчишка и бросился наутёк быстрее, чем Мадам Попрошайка сумела расспросить его.

– Экая беда, Рене. Пожалуй, придётся искать другое жильё. Здесь оставаться нельзя.

– А что случилось, тётя?

– Нас выследили, а я не желаю делить деньжата с кем-то ещё за здорово живёшь.

Но стоило им перебраться в другой квартал, как через несколько дней нагрянул старый Жак.

– Фанни, Фанни, ну не глупо ли бегать по всему Парижу? Ты же знаешь, что у Папаши Кольбера, везде свои люди. Плати каждый месяц по пятнадцать эю и заживёшь спокойно.

– Хм, так теперь нашим правителем стал Папаша Кольбер? Вот незадача, с чего это он обо мне вспомнил?

– С того, что Париж его королевство, все кто работают здесь, должны платить.

– Так я и выброшу на ветер целых пятнадцать эю! Наш заработок не велик, едва хватает утолить голод.

– Ай, Фанни, хватит прибедняться, оставь эти слова для девчонки. Вчера она стащила пару шёлковых перчаток у ма-

дам де Бринье. И прихватила трость с серебряным набалдашником у шевалье Дезарижа. Видишь, от глаз папаши Кольбера ничего не может ускользнуть.

– А вам то, что за дело? – Огрызнулась Рене. – Если господа разевали рты.

– Ха-ха-ха, а девчонка то, пожалуй, перещеголяла тебя, Фанни! Ну и хорошо же ты её выучила. Да ладно. Мне недосуг тратить на вас время. Я просто зашёл предупредить. Если через три дня Папаша Кольбер не получит платы, вас ждут большие неприятности.

Когда Жак Фокусник ушёл, Рене спросила:

– А кто такой, Папаша Кольбер, тётя?

– Ох, девочка, я сама видала его только однажды, тогда он был правой рукой короля нищих и воришек, Горбатого Тъери. Прежний правитель был справедлив. Он следил, что бы каждый мог спокойно работать. И никогда не назначал непосильной дани. А вот Кольбер, всегда славился жестоким нравом и неуёмной жадностью. Экая досада, что теперь он занял место Тъери. Знаешь, Рене, – прошептала Фантина. – Поговаривают, что бедняга Горбун покинул наш мир не без его помощи. Ходил слухок, что Кольбер отравил старика, что бы занять его место. Это ужасный человек.

Всю ночь, Рене и Мадам Попрошайка не сомкнули глаз. Обе ломали голову, как выпутаться из беды.

– Тётя, а может заплатить, да покончить с этим?

– Ах, глупая! Да стоит один раз отдать деньги, как Папа-

ша Кольбер начнёт повышать цену. Сама знаешь, что день на день не приходится. И даже пятнадцать экую слишком дорогая цена.

И вновь Рене и Фантина погрузились в невесёлые мысли. А на рассвете, они не нашли ничего лучше, как вновь перебраться в другой квартал, на противоположном конце города.

Авось Папаше Кольберу надоест искать бедняжек из-за нескольких серебряных монет и он оставит их в покое.

Не прошло и пяти дней, как под вечер в их новое жилище заявили трое громил. Ну и страшилища! От одного взгляда на них порядочно человека дрожь берет.

– Что, красотки, решили сбежать, да понадеялись затеряться? – Хрипло прорычал один из разбойников, по кличке Клешня.

Рене и опомниться не успела, как он схватил Фанни и приставил к её горлу нож.

– Эй, Хват, Кувалда, перетряхните-ка вещички этих глупых куриц. Наверняка найдётся, чем поживиться.

Рене растерянно прижалась к стене и уставилась на разбойников. Глаза её внезапно потемнели и вскоре, стали непроницаемо чёрными. Губы скривились в хищной усмешке.

Разбойники замерли, словно окаменели. Из рук Клешни выпал нож, и Мадам Попрошайка рухнула на пол, лишившись чувств. Громилы пытались сделать хотя бы шаг и тут же

беспомощно падали на пол. Они ползали на четвереньках пытаясь встать на ноги, но это лишь походило на усилия младенца, что учиться ходить. Недоумение вскоре сменилось ужасом, неужто ноги отказались им служить и в одночасье они стали калеками?

Разбойники хватались за край стола, за стул и дверную ручку, но так и не смогли подняться на ноги.

– Пресвятая Дева! – Завыл Кувалда, – помилуй нас!

С четверть часа они ползали по дощатому полу, роняя всё, за что цеплялись. Хват, скрипя зубами кое-как выполз за дверь и вскоре раздался страшный грохот. Бедняга видно покатился с лестницы.

Еле покинув комнату, бледные с трясущимися руками, разбойники подхватили Хвата, и, шатаясь из стороны в сторону, спотыкаясь и падая, заковыляли прочь.

– Ох, Рене, что это приключилось? Не во сне ли привиделось нападение?

– Нет, тётя, какой уж тут сон, проклятые ни одной целой вещи не оставили. Валялись по полу, словно горькие пьяницы, да сыпали бранными словечками.

– Никак не возьму в толк, они чуть душу из меня не вытрясли, а затем убрались, не причинив вреда.

– Сама не знаю, наверное, Святая Урсула, которую вы поминаете ежечасно, спасла нас от беды.

Ну, что бы там не случилось, ни Рене, ни Фанни не желали больше поминать произошедшее Если приключение оконче-

но, то и из головы вон.

А громилы, еле-еле добрались до тайного убежища и, дрожа от страха, явились к самому Папаше Кольберу. Все, кто знал, или хотя бы слышал об Огюсте Кольбере, бледнели при его упоминании. Поговаривали, что такого жестокого, умного и хитрого повелителя нищих, бродяг и воришек, ещё не бывало. Никто не знал, откуда он появился, и как сумел захватить власть. Ничего нельзя было скрыть от Папаши Кольбера, а с теми, кто пытался ему перечить, он мигом расправлялся. Жулики и попрошайки, лишь шёпотом передавали друг другу страшные казни, которые вершил их король. Огюст Кольбер наводил на своих подданных неопишущий ужас. При этом внешность его вовсе не была свирепой, как у Кувалды, Хвата и Клешни, что служили ему верой и правдой. У Папаши Кольбера было гладкое круглое лицо, мягкие слегка выющиеся волосы, белые, не знавшие работы руки и светло-серые, слегка на выкате, глаза. Он походил на обычного зажиточного горожанина, что мирно живёт со своей семьёй и исправно ходит к утренней мессе.

Разбойники, что вызывали страх и отвращение у честных людей, почтительно склоняли головы, перед своим невысоким и полноватым хозяином.

– Надеюсь, вы с хорошими вестями, мои дорогие? – Сладким голосом спросил Кольбер.

– Ах, господин, с нами беда приключилась, не знаем, как и рассказать. – Замялся Хват.

– Что, Фанни не дала денег и отвесила вам парочку оплеух? – Усмехнулся Папаша, но брови его нахмурились.

– Ах, господин Кольбер, позвольте всё рассказать, мы еле живы! Видно Святые простили нам грехи и спасли от лютой смерти! – Забормотал Клешня, падая на колени.

Брови папаши Кольбера удивлённо поднялись вверх, что ж, если история занятная, от чего не выслушать. Расправиться с нерадивыми служаками он всегда успеет

– Господин Кольбер! Или Фантина заключила сделку с нечистью, пока шаталась по лесам провинции, или её дочка – ведьма!

Перебивая друг друга, размахивая руками и осеняя себя крестом, Хват, Кувалда и Клешня рассказали о страшном недуге, что обрушился на них в доме Мадам Попрошайки.

Папаша Кольбер задумался. Такой истории он не ожидал услышать.

– Ладно, сегодня я вас прощаю, а теперь убирайтесь вон, мне надо поразмыслить. И не вздумайте повторить ваши рассказы кому-нибудь ещё. Иначе станете пересказывать это рыбакам на дне реки. – Произнёс он.

Головорезы на все лады поблагодарили хозяина за милость и доброту и поспешили обратиться восвояси.

Ночью, Кольбер приказал явиться старику Жаку.

– Вот, что, старик, пришла пора тебе сослужить службу своему хозяину.

– Всё, что прикажете, господин Кольбер, – скрипучим го-

лосом пробормотал Жак.

– Мне нужна эта девчонка, что таскается с Фантиной по ярмаркам. Как её имя?

– Рене, господин. Она конечно отменная пройдоха, но у нас есть люди и половчее.

– А ты глуп, мой дорогой Жак. Если то, что я узнал о девочке, правда, то она стоит дороже всех ваших тупых голов. Эта малышка, словно ключ от всех дверей королевства, от всех сундуков набитых драгоценностями, от всех решёток и замков. Ну да это не твоего ума дело. Твоя забота доставить малышку сюда и как можно скорее.

– Я постараюсь, господин, но хочу предупредить, что девчонка упряма и строптива, словно ослица.

– Это тоже не твоя забота, старик. Возьми подручных из банды Триаля и смотри, что всё было тайно. Мне в этом деле не нужны лишние глаза.

Жак Фокусник отвесил почтительный поклон и поспешил выполнять приказ.

Мадам Попрошайка с утра пораньше отправилась на рынок. Накануне Рене удалось разжиться чудесной атласной сумочкой, шитой бисером. Теперь осталось сплавить добычу и купить провизии. Фантина так замечталась о куске сыру и стаканчике доброго вина, что не заметила, как за ней медленно движется крытая повозка. Как только, Мадам Попрошайка свернула в переулок, из повозки выскочили двое мужчин в низко надвинутых на глаза шляпах. Фанни и охнуть

не успела, как ей зажали рот и ловко втолкнули в экипаж.

Представ перед папашей Кольбером, бедняга, со страху не могла и слово вымолвить.

– Ах, Фантина, как меня расстроил твой отказ. – Состроив скорбную гримасу, произнёс Огюст. – Видишь, мне пришлось беспокоить занятых людей, что бы наша встреча состоялась.

– Помилуйте, господин Кольбер, – запричитала Мадам Попрошайка, упав на колени. – Я вовсе не отказывалась платить. Но мы живём бедно, где уж нам собрать нужную сумму. Вот я и медлила с ответом.

– Это так прискорбно, Фанни, что ты и девочка живёте впроголодь. Да, кто эта несчастная малышка?

– Это... Это моя племянница, господин Кольбер, – проворчала Фантина, пряча глаза.

– Ах, мне становится грустно до слёз, когда люди лгут. Разве ты не знаешь, что ложь один из страшных грехов, Фанни? Ты не боишься, что попадёшь в ад, за грехи?

Мадам Попрошайка заёрзала на месте.

– Бедняжка Фантина, откуда появляется племянница у человека, не имеющего ни сестёр, ни братьев?

– Простите меня, господин Кольбер! Сама не знаю, от чего я соврала. Девочка – сирота, я нашла её на дороге.

– Отрадно видеть, как ты раскаялась и становишься на путь истины, Фанни. А теперь расскажи мне, что ты знаешь о сиротке, и так, что бы я не усомнился ни в одном слове.

И Мадам Попрошайка выложила всё, до последней мелочи.

– Хм, сколько же теперь лет бедному ребёнку?

– На день всех Святых исполнилось пятнадцать, господин Кольбер.

– У девочки есть особые приметы, шрамы, или родимые пятна?

– Нет, господин, только оловянный крестик на шее, да простенький кулончик из дерева.

– Деревянное украшение? Странно. И как оно выглядит?

– Крест, обвитый листьями платана.

– И всё?

– Всё, господин Кольбер.

– Ладно, Фанни, пожалуй, ты сможешь заслужить прощение, за свою честность. Иди с миром и больше никогда не лги. Эй, Клешня, проводи добрую женщину. – И Папаша Кольбер кивнул стоящему в нише прислужнику.

Мадам Попрошайка, не верила своему счастью. Неужто гроза миновала, и она так легко выпуталась из беды? Кланяясь и благодаря, она поспешила покинуть комнату папаши Кольбера. Клешня взял свечу и вышел за ней. Перед Фантиной простирался длинный коридор, выложенный каменными плитами. От старых стен веяло сыростью. Слабое пламя от свечи едва освещало дорогу. Мадам Попрошайке отчаянно хотелось побыстрее покинуть мрачное место да избавиться от провожатого, что своей внешностью навевал тоскли-

вый страх. Но как только ей показалось, что впереди виднеется лестница, Клешня, бредущий сзади, потянул за медное кольцо в стене.

Плита под Фантиной опустилась, и несчастная провалилась вниз.

– Ну, надеюсь, проводы прошли удачно? – Спросил Кольбер, вернувшегося в комнату, Клешню.

– Да, господин, тётка Фанни отправилась напрямиком в реку.

– Отлично, друг мой. Теперь позови мне малыша Анри.

Клешня поклонился и вышел прочь. Не прошло и минуты, как перед папашей Кольбером, оказался чумазый мальчишка с лохматыми вихрами цвета соломы.

– Ну, мой мальчик, – ласково улыбаясь, проворковал Огюст. – Ты отправишься с поручением, где весьма кстати будет твоё умение скрывать правду.

– Да, господин Кольбер! Я исполню любой приказ, а содрать мне легче лёгкого, недаром меня прозвали Ловкачом.

– Ха-ха-ха, вот маленький наглец. Если тебя не упекут на каторгу, или не повесят на площади, вырастешь богатым господином. Запомни только одно, малыш, никогда не вздумай лгать мне, иначе даже тюрьма покажется райским местом.

– Никогда, господин Кольбер, я не посмел бы обмануть вас. – Воскликнул побледневший мальчик.

– Отлично, дитя моё, а теперь слушай что нужно сделать. –

И Папаша Кольбер наклонившись к Ловкачу, зашептал ему на ухо.

Тем временем, Рене уже устала сидеть у окна, поджидая Мадам Попрошайку. Сколько же можно ходить за едой? Не иначе, тётка Фанни забрела в трактир и сидит, там попивая вино, позабыв обо всём. Рене давно проголодалась и решила разыскать тётушку сама. Она обошла несколько трактиров, где могла быть Фанни, поспрашивала рыночных торговков, но те уверяли, что сегодня мадам Фантина не появлялась. Рене проходила по улочкам и переулкам битых три часа, но безуспешно. А может тётушка уже вернулась домой другой дорогой? И девочка поспешила обратно. Каково же было её удивление, когда вместо Мадам Попрошайки в их комнате, она застала пронырливого мальчишку.

– Хм, что-то я не припомню, когда приглашала тебя в гости, парень. – Нахмурилась Рене.

– Эй, хозяйюшка ты разве не рада меня видеть? – Хихикнул Анри. – А я то думал, что приглянулся тебе.

– Да ты скорее приглянешься лягушке из болота, маленький висельник! Говори скорее, зачем пожаловал и проваливай.

– Вот досада, выходит я не являлся тебе во сне? – Вновь хихикнул мальчишка.

– Ну и наглец, пожалуй, ты заслуживаешь хорошего тумака!

– Ладно, ладно, не шипи словно змея, Мадам Злючка. Я

пришёл, проводить тебя в славное местечко, куда без моей помощи не добраться. Твоя тётка прислала меня.

– Фантина? Ты сразу не мог сказать, жалкий мышонок?

– Люблю поболтать с добрым человеком, а ты как раз добра, словно монахиня из приюта.

– Ну, хватит! Если знаешь дорогу, так делай дело, не люблю лишних разговоров.

И Рене без колебаний отправилась вслед за Анри Ловкачом, решив, что тётка вновь захотела сменить укрытие.

Они плутали по улочкам и переулкам пока не начало темнеть.

– Ты решил водить меня за нос, грязная обезьянка? За это время можно было обойти и сам Париж и его окрестности! – Сварливо пробормотала Рене.

– Там где нас ждут, лишние глаза не нужны, Госпожа Злая Кошка. Иди за мной, осталось совсем немного.

Вскоре, Анри привёл свою спутницу на окраину города, где находилось кладбище для бедноты.

– Ещё не легче! – Воскликнула Рене. – Сроду не бывала в эдаком милом месте.

И впрямь, вид, что открылся её глазам, был мрачен и уныл. Могилы заброшены, плиты валялись кое-как. У замшелой стены лежали старые ссохшиеся гробы, сваленные в кучу. Видно могильщики не утруждали себя заботой наводить порядок. Несколько раз Рене споткнулась о камни, но затем с ужасом увидела, что это черепа. Она вскрикнула

и испуганно перекрестилась.

– Что, твою спесь, как рукой сняло? Надо было привести тебя сюда раньше. – Захохотал Анри.

Рене не успела ничего ответить, как мальчишка остановился у могильной плиты из чёрного камня.

Согнувшись, он начал сдвигать плиту в сторону. – Давай-ка помоги, иначе до утра провозимся, – пробормотал он.

Вдвоём они сдвинули плиту со своего места, и перед Рене открылась лестница ведущая вниз. Анри вытащил старый фонарь, припрятанный в жалких кустах жимолости, и зажёл промасленный фитиль.

– Иди за мной след в след, – прошептал он. – И не думай спешить, иначе полетишь кувыркком и сломаешь шею.

Рене и уговаривать не нужно было, она со страхом вцепилась в рукав грязной блузы своего провожатого и осторожно двинулась за ним. Тусклый свет фонаря едва осветил сырые стены мрачного подземелья. Каменные ступени давно истёрлись, слышно было как где-то внизу с тоскливым звуком падают капли воды. Наконец крутая узкая лестница привела их длинному коридору, конец его терялся в непроглядном мраке. Рене озиралась по сторонам, но кроме обветшалых стен ничего не могла разглядеть. По ноге её скользнуло что-то мягкое.

– Ай, крыса! Вот мерзость какая! – Вскрикнула девочка.

– Скажите, неженка, должно быть ты росла в господском доме и отродясь не видала крыс. – Хмыкнул Анри.

– Господь миловал, полевые мыши куда приятней.

Наконец впереди забрезжила узкая полоска света, что шла от тяжёлой дубовой двери. Мальчишка уверенно открыл её и потянул за собой спутницу.

– Жди здесь, пойду, доложу, что ты явилась.

– Эй, и долго мне тут торчать, пронырливый мышонок? И куда подевалась тётя Фанни?

– Я же сказал, посиди и подожди. – С этими словами Анри юркнул в нишу, скрытую за гобеленом.

Рене вздохнула и огляделась. Ну и чудеса! Как оказалась такая богатая комната в мрачном подземелье под кладбищем? Стены затканы ситцевой материей, украшенной причудливыми листьями и цветами. У стены камин, с изящной решёткой. Стол покрыт перкалевой, обшитой кружевом скатертью, стулья так же обиты плотным шёлком в бордовую и жёлтую полоску. На каминной полке расставлены безделушки: фарфоровая танцовщица, собачка с огромным бантом на шее. Хрустальная вазочка, серебряная чаша с витой ручкой. Рене бросила быстрый взгляд на дверь и, схватив хрустальную вазочку, мигом сунула её в карман фартука. Пожалуй, за неё дадут немало звонких экию.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.